

**Выступление Е.Т. Гайдара на круглом столе "Стратегические проблемы развития России" Свердловской Школы публичной политики (программа РОО "Открытая Россия") в Екатеринбурге
7 декабря 2004 г.**

Гагарин Анатолий Станиславович, Директор Свердловского регионального отделения Школы Публичной Политики:

– Ну что же, давайте начнем. Сразу хочу сказать, что время вопросов пока еще не наступило. Доброе утро, уважаемые коллеги, дорогие друзья. Сегодня мы снова встречаемся в Школе Публичной Политики. И сегодня у нас долгожданный гость Егор Тимурович Гайдар, которого мы давно ждали. И, наконец-то мы имеем возможность, пообщаться с Егором Тимуровичем. Я представлять его, конечно же, не буду, поскольку Егор Тимурович личность легендарная. И, конечно же, мне хотелось бы сказать спасибо Ларисе Павловне Мишустинной, которая является нашим куратором, куратором Школы Публичной Политики и которая обеспечила нам всем такую прекрасную возможность. Она передает вам всем большой привет и надеется, что мы сегодня очень плодотворно побеседуем, поработаем. А теперь я предоставляю слово Егору Тимуровичу Гайдару. Пожалуйста.

Гайдар Егор Тимурович, Доктор экономических наук, директор Института экономических проблем переходного периода:

– Здравствуйте, дорогие друзья. Для меня большое удовольствие встретиться с вами сегодня. Лариса Павловна, мой друг, знала, что я завершаю работу над книгой, посвященной стратегическим проблемам развития России в первой половине XXI века. Она спросила меня, где бы я хотел в первый раз о ней рассказать. Я сказал, что сделаю это в Екатеринбурге.

В нашей стране всегда что-то происходит. И всегда есть повод поговорить о текущих делах. Можно, например, обсудить то, почему у нас замедлились темпы экономического роста в последние месяцы 2004 года. Можно поговорить о тех, мягко говоря, не идеальных решениях, которые руководство нашей страны реализовывало на постсоветском пространстве на протяжении последних месяцев. Можно обсудить регулярно возникающие предложения о том, что нужно делать с валютными резервами и стабилизационным фондом.

Сегодня хочу говорить о вещах более долгосрочных, о тех проблемах, которые, будут стоять перед Россией на протяжении ближайших десятилетий, жизни следующих поколений наших сограждан. Это обширная тема, не буду даже пытаться осветить ее во всем объеме. Те, кому это будет интересно, надеюсь, прочитают книгу, посвященную этому набору проблем, которая выйдет в январе. Хочу показать, что те проблемы, с которыми столкнется Россия, во-первых, носят долгосрочный характер, во-вторых, не уникальны, мы не одни в нашем мире. Я обращал внимание на то, что в нашем национальном характере есть одна особенность, по крайней мере, для части сограждан. Если им сказать, что мы не самые несчастные в мире – это обидит их до глубины души. Но хотя у нас действительно много серьезных, глубоких проблем, которые мы делим с остальным человечеством, мы не самые несчастные. Попытаюсь сделать это на примере нескольких сюжетов. Речь пойдет о демографической динамике и иммиграционной политике, вопросах государственной нагрузки на экономику, кризисах социальных отраслей, вопросах призыва на воинскую службу и комплектования вооруженных сил рядовым и сержантским составом.

Я директор Института экономики переходного периода. Меня неоднократно спрашивали о том, когда этот переходный период кончится. Если говорить о переходном периоде от социалистической экономики к несоциалистической, рыночной, преодолении того, что

Януш Корнаи назвал трансформационной рецессией, – он завершился. У нас осталось немало серьезных проблем, но с этими проблемами сталкиваются и страны, которые никогда в своем развитии не проходили социалистического периода. В прошлом году мы стали задумываться о том, чтобы вернуть институту прежнее название. Он был создан как Институт экономической политики. Но по мере того как мы углублялись в анализ долгосрочных тенденций развития России, стало ясно, что этого делать не следует. Потому что, выйдя из постсоциалистического переходного периода, мы попали в бурно меняющийся мир, мир незавершенного перехода, который называется, с подачи нашего соотечественника, хотя и жившего в Америке, Саймона Кузнеца, миром современного экономического роста. Это мир пришел на смену долгосрочно устойчивой аграрной цивилизации, которая возникла после неолитической революции, и существовала вплоть до перелома между XVIII и XIX веками.

Когда начинается современный экономический рост? По этому поводу ведутся длинные дебаты. Некоторые исследователи датируют начало современного экономического роста 80-ми годами XVIII века, большинство же склоняется к тому, что он начинается после наполеоновских войн в 20-х годах XIX века. По большому счету это не имеет значения. Важно, что с этого времени человечество вступает в период взаимосвязанных, системных и глубоких изменений, которые затрагивают все стороны жизни общества. Темпы роста душевого ВВП увеличиваются примерно в 10 раз, по сравнению с тем, что было характерно для предшествующих тысячелетий. Радикально меняется структура расселения: от доминирующей жизни в деревне, человек быстро приходит к урбанизированному обществу. Изменяется структура занятости. От доминирующей занятости в сельском хозяйстве мы переходим к обществу сначала индустриальному, а потом – постиндустриальному. Меняется система демографического поведения.

Человечество переходит от устойчивого положения, в котором высокая смертность компенсируется высокой рождаемостью к состоянию, когда показатели рождаемости и смертности низкие. Меняется отношение к религии, резко снижается количество людей, которые регулярно посещают церковь. На протяжении нескольких поколений человечество становится иным обществом. И адаптация к новому миру – тяжелейший вызов для всех государств, которые вовлечены в этот процесс. Надо понять, что процесс этот не только динамичный, но и незавершенный. Прогнозировать его динамику трудно. Карл Маркс, если пользоваться терминологией сегодняшнего дня, построил базу своей теории на анализе современного экономического роста. Отсюда его тезис о том, что более развитые страны демонстрируют тем, кто от них отстал, картину собственного будущего. Опыт XX века в общих чертах подтвердил эту гипотезу, хотя, конечно, жизнь оказалась сложнее. То, что происходит в наиболее развитых странах, не столько показывает картину будущего отставшим в развитии странам, сколько те проблемы, с которыми им придется столкнуться.

Россия вступила в процесс современного экономического роста примерно на рубеже 70–80-х годов XIX века. Она отставала от Франции и Германии примерно на 2 поколения – на 50 лет. За последние 140 лет мы прошли 2 мировые войны, гражданскую войну, 2 революции, социалистический эксперимент. Если вы посмотрите на важнейшие показатели динамики социально-экономического развития: душевой ВВП, урбанизацию, структуру занятости, станет ясно, что в 1870 году мы отставали от Германии и Франции на 2 поколения, в 1913 мы отставали на 2 поколения, и в 2001 году отстаем на 2 поколения.

Мы вступили в процесс современного экономического роста вместе с Японией. Япония нагнала Францию и Германию к началу 70-х годов, а между нами сохранилась прежняя дистанция. Если вы посмотрите соотношение российского душевого ВВП и среднемирового

150 лет тому назад, 100 лет назад и сегодня – оно примерно то же. Подчеркну, что в этом нет железного детерминизма.

Важнейшая проблема, связанная с современным экономическим ростом, это резкие изменения демографического поведения. Я, честно говоря, не могу спокойно слушать сентенции людей (тех, которые ничего в этом не понимают) по поводу вымирания российского населения. Те, кто это утверждает, не знают, что происходит с мировой демографией. А это, действительно, одна из важнейших проблем, с которой сталкивается мир развитых государств. Для аграрного общества были характерны высокие показатели рождаемости и смертности. Обычно рождаемость в годовом разрезе несколько превышала смертность, и поэтому население медленно росло, темпами 0,1–0,2% в год, если говорить о Европе. Но этот рост прерывался резкими скачками смертности, которые шли вслед за большими войнами, эпидемиями и голодом. Здесь пример великой чумы XIV века в Европе, пожалуй, самый показательный.

Для Европы были характерны аномально низкие для аграрных обществ показатели рождаемости, позднее вступление в брак. Опубликовано немало работ, в которых именно с этим связывается подъем Европы, начиная со второго тысячелетия нашей эры, но этот вопрос остается дискуссионным. И дальше происходит то, что, собственно, называется демографическим переходом. Этот процесс хорошо документирован – в конце XVIII, начале XIX века начинается резкое снижение смертности и рождаемости. Человечество сначала в Европе, а затем и в мире переходит от семьи, где много рожают, много умирают и темп роста населения минимальный, к семье, где мало рожают, мало умирают и темп роста населения нулевой. Когда формировалась теория демографического перехода, было представление, что мы идем от одного стационарного состояния к другому, столь же стационарному. И может быть так и случится. Но

пока события в развитых странах развиваются иначе. На протяжении последних десятилетий наиболее развитые страны не обеспечивают воспроизводство своего населения. Меняются предпочтения, нормы семейного поведения, есть страны, где число рождений вне брака больше чем число рождений в браке. Во многих странах число рождений на одну женщину намного меньше того, которое необходимо для воспроизводства населения. Это, скажем, Италия, Испания, Германия, Япония, Россия.

Специфично в российском режиме демографического перехода то, что этот переход наложился на социалистический эксперимент. Россия, в отличие от европейских стран, не была страной католической традиции, имела более высокие показатели рождаемости в конце XIX века. Для нее была характерна большая семья. Это сближает ее со странами конфуцианской традиции. Темпы роста населения в России и, в том числе, темпы роста доли России в мировом населении в последние десятилетия XIX, начале XX века были аномально высокими. Если говорить о населении современной России, то оно увеличилось до 4,2% мирового населения к началу века и продолжало расти по доле. Уже пошло заметное снижение смертности и еще продолжалась высокая рождаемость.

Затем в России происходит социалистическая революция, которая имеет несколько важных демографических последствий. Во-первых, Советский Союз был первой страной, которая разрешила аборт не по медицинским показаниям, а из социальных соображений. Эта тема обсуждалась еще в царской России врачами, и довольно много либеральных врачей было за разрешение абортов, но решение было принято лишь в 1920 году. И происходит это на очень раннем уровне развития, когда подавляющая часть населения еще не грамотна, на фоне страшных социальных катаклизмов, голода. Норма очень быстро укореняется, становится общепринятой. Потом с абортами будут

пытаться бороться, вводить запреты, но ни к чему, кроме криминализации аборт, это не приводит. Существует закономерность: если вы открыли ящик Пандоры, закрыть его нелегко. Сегодня, если посмотреть статистику легальных аборт, в России их примерно в 5–10 раз больше, чем в любой другой стране мира. Вот одно из последствий революции.

Революция – это колоссальное потрясение, которое оказывает серьезное воздействие на все нормы поведения, включая и семейные. Так происходило не только с нами, такое было и во Франции. Франция – первая европейская страна, где начинается радикальное снижение рождаемости в XVIII веке, примерно на 100 лет раньше, чем в соседних странах такого же уровня развития. В России снижение рождаемости усугубляется характерной для социалистического эксперимента тенденцией раннего (с точки уровня развития) вовлечения женщин в занятость вне крестьянского или домашнего хозяйства. Женщины должны были работать. В пятидесятом году, когда по уровню развития, по уровню душевого ВВП, Россия находилась примерно на уровне Франции и Германии 1900 года, доля женщин в числе занятых была больше чем в Германии и Франции в 2000 году, то есть в условиях постиндустриального, высокоразвитого общества. Существует жесткая взаимосвязь: если направлять женщин работать вне крестьянского, семейного хозяйства, то они начинают меньше рожать. Коллективизация, массовое вовлечение женщин в производственную деятельность вне крестьянских хозяйств в России в тридцатые годы приводит к необычно быстрому в мировой истории падению числа рождений, приходящихся на одну женщину. Особенно ясно это видно, если использовать данные по реальным, а не условным поколениям женщин. Такое положение вещей не связано с краткосрочными колебаниями и не будет преодолено в течение следующих 5 лет, даже если мы удвоим ВВП. Это длинная, поколенческая история.

Мы в одном корабле со всем развитым миром, просто мы на этот корабль вошли раньше примерно на 2–3 поколения. Многие демографы пытались прикинуть, что было бы с населением в России, и его долей в мире, если бы ситуация развивалась инерционно. Это условные расчеты, но население России было бы примерно в два раза больше. За демографической динамикой стоит еще один важный фактор – устойчивость пенсионной системы. Для того, чтобы пенсии выплачивали пенсионерам, работающие должны выплачивать налоги. А когда происходит резкое увеличение доли старших возрастных групп, выясняется, что работающих недостаточно для того, чтобы поддерживать сложившееся ранее соотношение средней пенсии и средней заработной платы. Вторая черта специфики демографического поведения в России, которая имеет серьезные последствия, касается смертности. Россия и в этом отношении достаточно необычна, хотя необычна она на фоне мира, а не на фоне Украины, Белоруссии, ряда других постсоветских славянских государств. Иногда то, что у нас происходит со смертностью, связывают с пертурбациями последних 12 лет. Это оптимистический и крайне упрощенный взгляд на проблему. На самом деле, аномалии с динамикой смертности в России начинают проявляться примерно 45 лет назад. До конца 50-х годов положение со смертностью примерно такое же, как и в других странах. Растут показатели средней продолжительности жизни мужчин и женщин, примерно, как у других стран с таким уровнем развития здравоохранения, как, скажем, Аргентина или Мексика. А с конца 50-х, начала 60-х начинается перелом – перестает расти продолжительность жизни. Причем, начинается это в России в конце 50-х годов для мужчин трудоспособного возраста, а с середины 60-х распространяется уже на все население. Картина такова: где-то лет 40 у нас показатели продолжительности жизни колеблются вокруг примерно одного и того же уровня, с аномально высоким разрывом между показателями

мужской и женской смертности (если в мире разрыв продолжительности жизни мужчин и женщин будет примерно 3 года в пользу женщин, то у нас, – стабильно за 10).

Есть еще один параметр, от которого зависят показатели продолжительности жизни – это потребление алкоголя. Проблемы неумеренного потребления алкоголя – отнюдь не чисто российские. И по абсолютному потреблению алкоголя мы далеко не являемся мировыми рекордсменами. Французы, итальянцы потребляют его намного больше нас, да и немцы тоже. Проблемы подобного рода вставали перед многими странами, которые сегодня относятся к наиболее развитым. Особенно это касается северных областей. В конце XIX века пьянство на работе было одной из самых острых социальных проблем Германии. Профсоюзы вели борьбу за право пить на работе, как за неотъемлемое право пролетариата. Это было связано с традицией. В североевропейском крестьянском обществе, в германском, в том числе, – потребление алкоголя считалось совместимым с нормальным крестьянским трудом. Это был способ согреться, калории получить, социализироваться. Когда пришедший из деревни бюргер приходил на завод, ему говорили, что первым делом он должен поставить бутылку шнапса своим товарищам по работе. И выпить с ними хорошенько, иначе не будут уважать. Выпивка на работе – это нормальная реакция на радикальные изменения в жизни общества. Перелом в Германии происходит в районе конца XIX начале XX века. Начинается массовое движение за запрещение пьянства на работе. Люди перестают пить шнапс на работе и начинают пить в пивнушке за проходной. Я напоминаю, что Германия 1900 года по уровню развития – примерно Советский Союз 1950.

В СССР на многие десятилетия, на поколения консервируются стили алкогольного поведения, характерные для раннеиндустриальных обществ. И что на этом фоне происходит дальше со здоровьем

населения, со смертностью в трудоспособном возрасте, с разницей между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин? Нужны ли тут подробные объяснения? К сожалению, такое положение вещей инерционно и не меняется в течение месяца, года.

Тенденция сокращения численности населения России не случайна, она не привнесена потрясениями последних лет, тесно связана с предшествующим столетием нашей истории и нам во многом задана. Пытаться переломить ситуацию мерами демографической политики, как показывает опыт, практически невозможно. На увеличение рождаемости, к сожалению, нигде и никому оказать серьезное влияние не удалось. А это пытались сделать очень богатые страны, гораздо богаче нас.

Сегодня мы обречены расхлебывать последствия нашей истории и должны понимать, что это создает проблемы, скажем, с призывом на военную службу – на десятилетия вперед, с устойчивостью пенсионной системы – на десятилетия вперед и так далее. С рабочей силой...

Мы столкнулись с проблемой рабочей силы раньше, чем многие другие, но проблема эта не уникальна, с ней сталкиваются многие страны. Она имеет еще одну особенность – разницу между требованиями национальной рабочей силы к качеству рабочих мест и потребностью рынка труда в рабочей силе. Чем выше уровень развития, тем выше требования национальной рабочей силы к качеству рабочего места. Послать немца работать строительным рабочим или убирать мусор нельзя, даже если он безработный. Причем, и он знает, что это нельзя, и общество знает, и служба занятости знает. В результате появляется некий национальный консенсус: существует набор рабочих мест, на которых национальные кадры могут работать, и есть те, на которых они работать не могут. Но существуют и закономерные потребности экономики в определенном наборе рабочих мест. Если,

скажем, в Москве сегодня уволить с работы всех украинцев, то завтра остановится городской транспорт и строительный комплекс. Те же процессы идут и в Европе. Если не принимать на работу турок, алжирцев, арабов, восточноевропейцев, то все замрет: гостиницы, госпиталя, строительный комплекс, городской транспорт, уборка мусора. Вывод прост: высокоиндустриальная, развитая экономика предъявляет очевидный и крупномасштабный спрос на не очень квалифицированную рабочую силу. Армия, состоящая только из генералов, воевать не может. Госпиталь, в котором работают прекрасные хирурги, но никто не моет полы – не госпиталь. А отсюда мы имеем могучий миграционный поток из менее развитых стран в более развитые. И это реалия XX века и будет реалией XXI века.

Но дальше возникает тяжелейшая проблема, если мы говорим о демократиях. Да, иностранные эмигранты, особенно из менее развитых стран, нужны. Но нужны они только как рабочие, а не как соседи. Получается странная ситуация: все разумные люди понимают, что без иностранных рабочих не обойтись, а произнести это вслух – политическое самоубийство. Если, скажем, в Германии политик, который собирается куда-то баллотироваться, заикнется о том, что немцам не обойтись без дополнительного привлечения турок и арабов – иначе остановятся целые отрасли экономики – на политической карьере его смело можно ставить крест. В результате в подавляющем большинстве развитых стран установилась шизофреническая политика по отношению к эмиграции. Конечно, эмиграция идет, отгородиться от нее невозможно. Границы прозрачны, всегда есть возможность приехать туристом, а потом остаться. Действуют механизмы этнической взаимопомощи, есть теневая занятость. Италия, например, регулярно проводит легализацию нелегальных эмигрантов, да не только Италия. Но в рамках официальной политики делается все, чтобы создать иллюзию, будто этого нет.

США – страна, которая создана иммигрантами, получает примерно по 900 тысяч нелегальных эмигрантов в год – провела легализацию нелегальных эмигрантов, в рамках которой больше 4 миллионов человек получило право на легализацию в самом конце 80-х. Сегодня число нелегальных иммигрантов в США оценивается примерно в такую же величину. В настоящее время американский и мексиканский президенты создали рабочую группу по проработке вопросов о следующей легализации мексиканских эмигрантов. Это в иммигрантской стране. На самом деле, только иммигрантские страны из развитых стран, имеют шанс: а) сохранить хоть в какой то степени свою долю в мировом населении; б) сохранить устойчивость пенсионных систем. Это Канада, США, Австралия, Новая Зеландия. Плюс ко всему иммигранты в течение первого поколения имеют существенно более высокие показатели уровня рождаемости, чем коренное население. США стала великой державой потому, что она была страной иммигрантов. Если бы США основывали свою культуру, как культуру белых англосаксов, то никогда бы не стали тем, чем они являются сегодня в мире. США – это страна американских граждан, независимо от того, кто они по происхождению.

У России огромные территории, очень невысокая плотность населения и серьезные, долгосрочные, заданные социалистической моделью индустриализации демографические проблемы. Однако у России есть одно фундаментальное преимущество, которого нет почти ни у кого в мире. Мы окружены набором стран, которые беднее нас и где живут десятки миллионов людей, владеющих русским языком, выращенные в традициях русской культуры. Вся литература, посвященная иммиграции показывает, что есть один параметр, который сильнее всего остального влияет на способность иммигрантов адаптироваться к условиям страны пребывания – владение языком этой страны. Радикально разные результаты по адаптации, заработку,

вовлечению в криминальные структуры показывают те группы, которые владеют языком страны пребывания и те, которые не владеют. В странах СНГ русских 25 миллионов, русскоязычных – десятки миллионов. Понятно, что не все они готовы к миграции, оценки показывают, что потенциальный объем миграции из СНГ в Россию – примерно 15 миллионов человек. Этот колоссальный приток мигрантов радикально меняет ситуацию с устойчивостью пенсионной системы и демографической динамикой. Говорят, что капитал бежит из России. Какое бегство? Мировой банк посчитал, сколько переводят трудовые эмигранты из Молдовы, Украины, Узбекистана в свои страны. В Молдове, например, 20% ВВП – это выплаты от молдаван, работающих в России.

Итак, миграция есть и масштабы ее значительны. Однако никакой последовательной, разумной миграционной политики нет. У приезжих из СНГ вымогают деньги, их загоняют в теневую экономику, они не платят налогов, они полагаются на механизмы этнической солидарности. Они оказываются втянутыми в организованную преступность. Власти делают все возможное, чтобы придать трудовой иммиграции самый отвратительный, самый вредный для общества вид. Вместо того, чтобы построить разумную, открытую миграционную политику, понимать, кого и куда нужно привлекать, наши власти проповедуют только запретительные меры. Что можно было бы сделать? Отбирать необходимых нашей экономике мигрантов, как это делают канадцы, на основе балльной системы, например. Привлекать мигрантов на службу в вооруженные силы. Привлекать самых талантливых студентов СНГ в наши ВУЗы. Что получается сейчас с образованием? После обучения в московском ВУЗе выходцам, скажем, из Украины, мы не можем предоставить право на работу. В результате прекрасной подготовки они, естественно, на международных конкурсах выигрывают лучшие гранты и едут в Гарвард. Таким образом, мы активно помогаем

американской экономике улучшив качество своего высшего образования. В этой связи необходим поворот к открытой миграционной политике, которая предполагает некий набор естественных, понятных и хорошо изученных технических методов: что должны делать посольства в области миграционной политики, что должны делать консульские службы. Каким образом со всего мира собрать специалистов, которые необходимы России для обеспечения экономического роста.

Но существует еще одна проблема. Есть страны иммигрантские и не иммигрантские. Скажем Канада и Америка – типичные примеры иммигрантских стран. Германия и Франция – типичные противоположные примеры. Для иммигрантских стран гораздо проще адаптироваться к реалиям XXI века, когда надо гнать волну эмиграции к себе. Странам не иммигрантским труднее. Мы здесь в промежуточном положении. Россия, хотя никогда не была иммигрантской страной, не была и страной мононациональной. В составе российского дворянства в конце XIX века русских было примерно 55%. В составе генералов российской армии русских было процентов 60. В числе представителей российской элиты, тех, кто не имел русского происхождения, так много, что и не перечислишь. Россия всегда была страной подданных русского царя и страной русских. Потом страной подданных советской империи, что в переводе на политический язык называлось страной советских граждан. Таким образом, для нас трансформация в государство с русской культурой, с русским языком, но государство русских граждан, а не этнических русских – это абсолютно естественное продолжение традиций. Но это серьезный сознательный выбор, который надо сделать, если мы хотим решить проблему нашего развития в XXI веке.

Перехожу к другой теме: вопросам реформы комплектования вооруженных сил. Это довольно тесно связано с проблемами демографии.

Чем обычно заканчиваются разговоры о реформировании армии? Улучшать ее организацию, увеличивать выплаты офицерскому корпусу, уделять больше внимания социальным условиям и пропаганде того, что служба в армии – это патриотический долг. К сожалению, реформирование армии не сводится к этим благим пожеланиям. То состояние, в котором пребывают наши вооруженные силы – далеко не сегодняшняя проблема. Проблема эта имеет долгосрочный и видимо трудно разрешимый без глубокой реформы системы комплектования вооруженных сил характер. Здесь я вынужден сделать некое историческое отступление.

Нынешняя система комплектования вооруженных сил по призыву родилась не вчера и не на пустом месте. К XVII веку в Европе доминирующим способом комплектования вооруженных сил были наемные армии. Они имели преимущество перед феодальной конницей, но обладали и серьезными недостатками, связанными с низким уровнем дисциплины, грабежами своего собственного населения. Наконец, если у нанимателя возникали проблемы с финансами, такие армии попросту разбегались или переходили на сторону неприятеля. Тридцатилетняя война в Европе – это кульминация эпохи наемных армий. Первые рекрутские армии (армии, которые набирались по призыву и где солдаты служили много лет) возникают в XVII веке в первую очередь в Швеции. Шведская армия, которая была в середине XVII века лучшей в Европе, создает образцы для подражания, и Петр с нее начинает делать свою армию. Рекрутские армии продолжают оставаться образцом для подражания и в XVIII веке. Россия, кстати, одна из первых ввела рекрутскую армию по шведскому образцу. Эта армия была одной из лучших, в том числе и потому, что в это время рекрутский набор органично сочетался с российским крепостничеством. Проблемы рекрутских армий состоят в том, что они имеют обыкновение разбегаться. Если можно сбежать, то рекрут сбежит куда угодно: в

разбойники, пираты, потому что для западноевропейского крестьянина, который уже привык к относительно свободной жизни в XVIII веке, переход в положение рекрута – это переход обратно в рабство, от которого он уже отвык. А русский крестьянин – привык, для него это другой способ крепостничества. Повторяю, российская армия расценивалась, как одна из лучших в то время. Российские солдаты не разбегаются, если их оставить без присмотра офицеров. Можно использовать, как делал это Суворов, и мобильные средства организации войск, что нельзя было делать в прусской армии, потому что тамошние солдаты тут же дезертировали бы.

Первыми систему массового призыва (не рекрутчины на 25 лет, а призыва на 3 года) вводит Пруссия. Это связано, прежде всего, с тем, что государство это, относительно, бедное, но воинственное. Оно хочет иметь мобилизованный резерв. Призывник прослужил 2 года, потом еще несколько недель, во время, которое не вредит сельхозработам, и в результате – вполне вымуштрованная армия. В массовых масштабах такую систему комплектования вооруженных сил реализует республиканская Франция. Франция – первая крупная страна, которая в полном объеме формирует систему всеобщей воинской обязанности с относительно короткими сроками службы, с массовым военнообученным резервом. Выясняется, что это особенно эффективный способ организации армии. Во-первых, ты можешь иметь армию из населения гораздо большую, чем любой из потенциальных противников, во-вторых, ты имеешь армию, в которой не нужна палочная дисциплина. Реформировав таким образом свою армию, государство получает огромные возможности другого способа организации военного дела. Всеобщая воинская повинность становится базой для подражания и доминирующей моделью организации комплектования вооруженных сил на следующие полтора века. Именно катастрофическое поражение Франции в 1871 году, очевидно связанное с преимуществами

германской системы призыва, всеобщей воинской обязанности, подтолкнуло Россию к радикальной военной реформе, отказу от рекрутчины, формированию системы комплектования вооруженных сил, во многом сходной с германской.

До 50–60-х годов XX века такая система комплектования вооруженных сил является доминирующей. Важно понять, реалии какого времени она отражала. Когда формировалась и развивалась система всеобщей воинской повинности, подавляющая часть населения занята в сельском хозяйстве. Доминирует большая семья, где много детей. Смерть сына, одного из нескольких, конечно, неприятность, но не катастрофа. Она имеет отношение к натуральным повинностям, той привычной части жизни, с которой все смирились. Больше того, отправить сына в армию, где он научится грамоте, специализируется, может быть, потом останется в городе, это путь социального продвижения для сельского мальчика из большой семьи, где земля достанется не ему, а старшему брату. Все это органично накладывается на традиции аграрного общества середины XIX века. А теперь мы вспомним, что мир радикально меняется. К середине XX века общество становится урбанизированным, грамотным. Осуществляя воинский набор, мы имеем дело с молодыми людьми, которые, окончив среднюю школу, в подавляющем большинстве хотят идти в ВУЗ. Им совершенно не нужна армия в качестве инструмента социализации. Мы имеем дело с семьей, где, как это ни смешно звучит, хорошо, если 1,5 ребенка, из которых – 0,75 – сына. То есть сын у тебя один. И тебе предлагают (лучше сказать, велят) одного-единственного сына отправить в армию, а может быть даже на войну!? Отец и мать найдут способ объяснить, что его у них не отобрать, придумают, как поговорить с конгрессменом, чтобы он провел закон об отсрочке, дать взятку, чтобы сын поступил в институт, у него заведется такая болезнь, что его никуда нельзя будет взять! Короче говоря, урбанизированное общество, грамотное и

малосемейное категорически отказывается считать всеобщую воинскую повинность своим патриотическим долгом и посылает этот сигнал властям. Правда, это делает наиболее влиятельная, образованная, социально продвинутая, обеспеченная часть общества. И призыв быстро превращается в своеобразный натуральный налог на бедных. Когда общество становится урбанизированным, две трети высокодоходных групп общества детей в армию не отправляет. Проведено обследование выпускников Гарварда во время Вьетнамской войны. Было обследования примерно 17, 5 тысяч военнообязанных выпускников. Из них во Вьетнаме оказалось 9 человек. Отзывается такое положение вещей крайне несправедливым налогом на бедных, что влечет за собой и специфическое качество контингента. Так что потом не стоит удивляться, что в армию попадают неграмотные дистрофики с букетом из нескольких болезней. Однако все перечисленное – не только наши проблемы, это проблемы всех постиндустриальных и индустриальных стран, которые пытаются сохранить систему призыва. Как выясняется позже, призывников нельзя заставить воевать. Формально можно, но реально – нет. Французы потерпели тяжелое поражение во Вьетнаме, и так и не решились послать туда ни одного призывника. В Алжир они послали призывников, и это переломило общественное отношение Франции к алжирской войне: французы проголосовали за предоставление независимости Алжиру.

В том случае, если государство желает иметь военную организацию, которая как-то функционирует, ему надо менять принципы ее комплектования, и это – объективная необходимость. Тогда следует отказаться от призыва, как способа комплектования частей, которые можно послать в бой, и переходить к комплектованию на контрактной основе в разных формах. Существует несколько вариантов такого комплектования – короткие контракты, как в Штатах, 25-ти летние контракты, как в Канаде. Везде есть аргументы за и против,

но надо отдавать себе отчет, что уйти от решения этого вопроса невозможно. Это фундаментальное следствие радикально изменившейся социально-экономической структуры общества.

Уважаемые, коллеги, глубоких фундаментальных проблем, с которыми нам на протяжении следующих десятилетий придется иметь дело, довольно много. Я мог бы рассказать о проблемах устойчивости пенсионной системы, о тех проблемах, которые возникают в системе образования, здравоохранения, в области налогообложения и государственной нагрузки на экономику, в области финансово-кредитной политики в условиях открытых рынков и плавающих валютных курсов. Короче говоря, их много, и нужно понять, что мы живем в бурно меняющемся мире, о котором мало что знаем, где происходят неожиданные резкие изменения, казалось бы, устойчивых тенденций.

В этой связи важна способность к гибкой адаптации, к тому, чтобы не выстраивать структуры, которые может быть хороши сегодня, но которые невозможно перестроить, если вдруг изменится ситуация. Это важнейшая задача при выработке национальной стратегии. В нашей истории есть много примеров, когда имелись структуры, которые, вроде бы работали, но оказывались крайне склеротичными. Это, вообще, фундаментальная проблема, имеющая свои исторические корни. Это – как царская монархия с крепостничеством. Работали же, только оказались неспособными во время перестроиться, когда ситуация изменилась. Также и с социализмом. Вот микропример: наша денежно-финансовая политика в 97-98 годов. Работала как-то, но только была абсолютно неприспособленной к тому, что будет, если возникнет кризис типа азиатского и одновременно упадут цены на нефть. Таким образом, нам предельно важно выстраивать свою систему институтов так, чтобы она была гибкой.

Несколько соображений о нашей политической системе и о том, что с ней происходит. Конечно, работающую демократию, в России построить трудно. В России ее не было с XV века, после краха Новгорода и Пскова. Нельзя, очевидно, признать опыт построения демократии образца 1917 года удачным. Сказать, что наша демократия образца 90-х годов является примером для подражания, было бы, пожалуй, слишком сильно. И, тем не менее, мы постепенно приближались к созданию неэффективной, молодой, нестабильной, но работающей демократии. В том числе и к работающему федерализму.

Построить унитарное государство легче, чем федеративное. Как человек, которому приходилось работать в российском правительстве, могу сказать, что глубокое негодование вызывает иногда поведение местных властей, и как хочется сказать местному бонзе что-то от души, цыкнуть, наконец... Но в условиях демократии, даже такой, как у нас, этого делать нельзя, это неправильно. Россией как унитарным государством управляли несколько веков. Разве помогло это остановить коррупцию, подавить террор в последние десятилетия царского режима, когда всех губернаторов назначали? Что, мы две революции в империи предотвратили? Когда на постсоветском пространстве постепенно формируется пока пусть реально неэффективная, но функционирующая федерация, то общество неизбежно начинает понимать, что, выбирая, скажем, губернатора, оно выбирает не ходатая перед Кремлем, а человека, от которого зависит, будет ли вывозиться мусор, и будет ли в домах горячая вода. И постепенно с течением времени общество начинает делать более ответственный выбор. Я понимаю логику тех моих оппонентов, которые говорят, что мы не против демократии в целом. Но демократия в России сейчас? Нет, давайте подождем. Вот, видите, как в Китае хорошо? Давайте сначала экономику поднимем, а уж потом и эту, как ее, демократию. Причем даже оппозиционеров сажать в тюрьмы не нужно, пусть они заседают в парламенте, и пусть

выходят оппозиционные журналы. Главное, чтобы по основным радио- и телевизионным каналам не высказывались неправильные суждения.

Есть образцы закрытых демократий. Была мексиканская демократия на протяжении многих десятилетий. Или в гораздо более мягком виде, скажем, итальянская демократия между Второй мировой войной и окончанием холодной войны, или японская демократия в тот же период. Да, закрытые демократии бывают и бывают довольно устойчивыми. У них есть два свойства, которые надо учитывать. Первое. Почему-то, как показывает опыт, они всегда очень коррумпированы. Видимо, так они устроены по своей природе, что не коррумпированными быть не могут. И второе. Они поразительно склеротичны. Бывают демократии, способные реализовывать глубокие реформы. Скажем Англия при Тэтчер. Бывают менее способные. Бывают последовательные авторитарные режимы, способные проводить реформы. Скажем, Чили при Пиночете. Бывают неспособные. Но закрытые демократии так устроены, что проводить глубокие реформы не способны, они могут разве что обеспечивать стабильность и неизменность. Но, еще раз подчеркиваю, мы с вами живем в мире современного экономического роста, в мире, где постоянно возникают новые вызовы, к которым надо быть готовым. Неспособность российских властей на них реагировать дорого обошлась нашей стране в XIX–XX веке. Зачем нам нужно экспериментировать и в XXI? Спасибо.

АПЛОДИСМЕНТЫ.

Гагарин А.С.:

– Мы переходим к жанру вопросов, а потом перейдем к дискуссии. Если у вас вопросы, можно их сейчас задать, а потом мы будем более развернуто говорить в рамках дискуссии. Пожалуйста.

Анимица Евгений Георгиевич, гость:

– Вы сказали интересную мысль, что всегда что-то происходит вокруг России. Так оно и есть сегодня. Но как Вы оцениваете ситуацию на Украине, это демократия или псевдодемократия?

Гайдар Е.Т.:

– Я принимал участие в выборах в России, некоторые выигрывал, некоторые проигрывал. Принимал участие в нескольких референдумах. Когда мне говорят про явку в 98%, воспринимаю это как анекдот. Махинации на Украине были вопиющие не по стандартам стабильной западной демократии, а даже по российским меркам. И, собственно, именно поэтому произошло то, что и произошло. Я не люблю Лукашенко. Мне не нравится, что делается в Беларуси. Но я убежден, нравится – не нравится, но он выиграл свой референдум, поэтому революцию против Лукашенко провести было невозможно. А на Украине были откровенные, издевательские, на мой взгляд, по отношению к избирателям, действия властей, которые и спровоцировали массовые выступления.

Мошкин С.В., профессор, член наблюдательного совета ШПП:

– Мы сегодня говорим о стратегических проблемах развития России. Как Вы считаете, традиционное место России в межхозяйственных связях, в международном разделении труда, как страны периферийного капитализма, является ли одной из стратегических проблем? Если возможно, такой комментарий на тему места России в межхозяйственных связях и перспективы в связи с этим.

Гайдар Е.Т.:

– Место России в межхозяйственных связях прямо асимметрично месту Китая в межхозяйственных связях. Мы не являемся конкурентами Китая. У нас есть объективная база для стабильного долгосрочного сотрудничества. Что является структурными преимуществами Китая? Дешевая, хорошо мотивированная рабочая сила, близость к морским

портам. В этой связи – интеграция в мировую торговлю трудоемкой продукции среднего уровня качества и сложности. Всего этого у нас нет. У нас более дорогая, чем у китайцев рабочая сила. У нас проблемы с доступом к открытым в течение года морским портам. Таким образом, на рынке, где сегодня столь быстро развивается Китай, мы ему не конкуренты. Наши сравнительные преимущества лежат в двух плоскостях. Одна из них, условно говоря, ниже Китая, а другая – выше. У нас дешевая энергия, в достаточно больших объемах, и она будет таковой на протяжении длинной исторической перспективы. У нас дешевое сырье, и оно будет таким на протяжении длинной исторической перспективы. Это не значит, что мы обречены быть экспортерами энергии и сырья. У нас очень большое транспортное плечо, перевозить на дальние расстояния продукцию с относительно низкой ценой на единицу объема или веса, бессмысленно. У нас есть сравнительные преимущества во всем, что относится к энергоемкой и ресурсоемкой продукции. Это одна сфера. Вторая сфера связана с продукцией, требующей высокой квалификации. Качество российской рабочей силы наши иностранные коллеги оценивают не очень высоко. А вот качество инженерного корпуса – высоко. Мне говорил один из руководителей крупнейшей фармацевтической компании Восточной Европы, который купил в России четыре фармацевтических завода, о том, что он у себя в стране не может создать команду специалистов по биохимии класса, которую он здесь элементарно набрал. Просто потому, что у них нет столько высококлассных специалистов. Высокий уровень подготовки инженеров, программистов, биологов – это другая сторона, где у нас есть сравнительные преимущества. Конечно, здесь есть и проблемы. В чем наша фундаментальная проблема в конкуренции, скажем, с Индией, как поставщиком программного обеспечения? В слабом знании английского языка, но это преодолимо, и ситуация начинает меняться. Вот две большие сферы, где у нас есть серьезный потенциал.

Мошкин С.В.:

– Тогда по ходу вопроса. К сожалению, Вы не осветили рубрику кризиса, связанного с бюджетной нагрузкой. Тема, имеющая непосредственное отношение к поддержанию развития образования. Преимущества подготовки квалифицированных кадров не могут закончиться, по большому счету, мы эксплуатируем тот ресурс, который был заработан в советские годы.

Гайдар Е.Т.:

– Риски такие, естественно, есть. Я категорический противник всяких отраслевых приоритетов, потому что знаю, все кончается тем, кто даст большую взятку. Но, если говорить о приоритетах, то образование, особенно качественное, инженерное, научное образование – это единственный разумный приоритет, который я могу придумать, и с которым, на мой взгляд, невозможно спорить. Дело в том, что очень много говорится про образование понаслышке. Я знаю практически все исследования, которые проводились по вопросам финансирования образования, качества образования. Они пока не дают ответа на то, что у нас реально происходит и что надо всерьез делать. Ясно, что некоторые образовательные школы мирового уровня в России сохранились. Очевидно, что получило широкое распространение некачественное псевдообразование. И то, и другое – правда, но опять понаслышке. У нас есть кафедра экономики в физтехе. Заведующий кафедрой теоретической физики – мой близкий друг. Он говорит, что в этом году у них был прием такого качества, которого в Советском Союзе они не видели. Разумеется, физтех – это не все российское образование. И вот мы хотим в будущем году провести подробное, детальное исследование того, что у нас происходит с системой образования.

Чарыков О.В., рабочий:

– Эти последние моменты с Японией, что там на самом деле?

Гайдар Е.Т.:

– Все предельно просто. У нас исторически длинная проблема с Японией из-за четырех островов. Если бы я верил в теорию заговоров, то сказал бы, что худший враг Советского Союза не мог бы придумать способа, как на десятилетия осложнить отношения с одним из наших важнейших соседей и торговых партнеров. Если бы я верил, например, в заговор американского империализма, заключающийся в том, как подгадить японцам и нам, то сказал бы, что получилось очень красиво, изящно. Но я не верю. Старая проблема, тяжелая. Пытались решить, велись бесконечные переговоры. Что, на мой взгляд, было правильно? Мы сказали, что в свое время Советский Союз подписал и ратифицировал соглашение 56-го года. Подписывал его Вячеслав Молотов. Сказать, что Молотов – это предатель интересов советского народа довольно трудно, но, если Молотов считал, что это соглашение уместно для России, и затем оно было поддержано всем советским руководством, то, собственно говоря, почему оно не должно нас устраивать? Мы сказали, раз договорились в 56-ом году, мы готовы это соглашение выполнять, что правильно юридически и политически. Это переносит мяч на японскую сторону. В Японии такая же суматоха из-за этих островов, как у нас. Стороны понимают, что никакого практического значения проблема не имеет, но имеет огромную политическую составляющую. Дело в том, что японская элита разделена. Существует прагматическая, более молодая ее часть, которая утверждает, что нужно немедленно урегулировать отношения. Но это молодая часть, те, кому меньше 45 лет. А есть старшая ветвь политической элиты, которая привыкла на этих островах зарабатывать политические очки, и они-то как раз не готовы решать проблему в ближайшее время. Так что, сейчас, на мой взгляд, мяч на японской стороне.

Резник Е.С., слушатель ШПП:

– Скажите, в связи с глобализацией наша стратегия, какая должна быть? Мы должны объединяться со странами СНГ, либо мы должны идти навстречу Евросоюзу, либо мы должны остаться в своих рамках и никуда не идти?

Гайдар Е.Т.:

– Мы так наобъединялись со странами СНГ на протяжении последних нескольких месяцев, что уж просто некуда дальше объединяться. Самое обидное состоит в том, что Россия по географическому положению, финансовым возможностям – это объективное поле притяжения для стран СНГ. Есть такое понятие, как гравитационная модель внешней торговли. Если добавить в эту модель такие факторы, как общее историческое прошлое, широкое распространение русского языка и русской культуры в странах СНГ, то надо сильно постараться, чтобы Россия не стала центром притяжения для постсоветских государств. Но мы слишком смело и энергично идем к решению этой задачи. Я надеюсь, что если не делать глупости каждый день, может быть, придет время сбалансированных отношений, в которых стратегически Россия объективно заинтересована. Есть Европа, которая, особенно после расширения Евросоюза, будет всегда нашим крупнейшим торговым партнером (если раньше такое партнерство составляло 33% нашей внешней торговли, то будет 50%). Есть США, которые являются нашим важнейшим партнером в вопросах безопасности, с которыми у нас есть общие проблемы, относящиеся к исламскому фундаментализму и международному терроризму. Есть Китай – наш великий сосед, карту которого в борьбе со Штатами лучше не использовать, потому что это крайне глупо (к тому же надо понимать, что китайская бюрократия состоит не из глупцов). Всемерно развивая отношения с каждым из этих партнеров, Россия не заинтересована в том, чтобы быть в каком-то союзе или блоке. Как-то мы с моими европейскими коллегами обсуждали вопрос о потенциальном членстве

России в НАТО. Я предложил им тогда представить, что мы уже решили все внутривластные проблемы, которые препятствуют вступлению России в НАТО, решили все технические тяжелейшие проблемы. А после этого попытаться представить, что после этого у России возник конфликт на восточной границе. Кто всерьез может предположить, что бельгийский контингент, будет воевать на Амуре?

Фролов А., слушатель ШПП:

– Как Вы относитесь к высказыванию, что основной проблемой российской экономики является недостаточная мотивированность населения работать эффективнее и что нужно делать, для того чтобы люди работали эффективнее, чтобы они были заинтересованы работать, больше зарабатывать, и не работали на неэффективных предприятиях?

Гайдар Е.Т.:

– Пожалуй, не соглашусь с этим тезисом. Мне кажется, что мы недооценивали степень мотивированности и адаптивности российских трудящихся к рыночным условиям. Она оказалась выше, чем ожидалась. Естественно, такого рода проблемы есть везде и всегда. Но, в общем, рынок рабочих сил оказался довольно гибким. Не всегда эта гибкость носила легальный характер. У нас значительная нелегальная занятость. Тогда надо ставить вопрос по-другому: что надо делать, чтобы она стала легальной? Понятно: бороться с административными барьерами, иметь менее коррумпированный государственный аппарат, дальше совершенствовать налоговую систему. Говорят, у нас нет мелкого предпринимательства. Хорошо, посмотрите статистику занятости за последние шесть лет. У нас появилось по данным опросов примерно 10 миллионов новых занятых. На крупных предприятиях занятость не изменилась. А куда пошли работать эти 10 миллионов?

Мошкарёв О., слушатель ШПП:

– Очень рад вас видеть здесь, Егор Тимурович. Вопрос такой. Вчера в буржуазном журнале, опубликованном в Интернет-газете «Дни. Ру» Борис Немцов сказал следующее: в России есть фактор крайней разобщенности оппозиции, здесь на нас лежит моя личная ответственность. Моя личная задача – консолидация демократической оппозиции. И еще одна цитата: самое горестное – это то, что мои товарищи по партии, не хочу не на кого показывать пальцем, ставят свои личные цели выше, чем интересы страны. Скажите, у Вас есть личная задача объединить демократическую оппозицию? И справедливо ли последнее утверждение Немцова?

Гайдар Е.Т.:

- Во-первых, Борис – мой друг, и за него не хотел бы говорить. Лучше, когда подобного рода вещи комментирует тот, кто их озвучил. Я считаю его очень талантливым политиком. Как у всех, бывают и неудачи, но я считаю, что он будет делать все возможное для объединения демократических сил. Далее, я не занимаюсь сейчас активной публичной политикой. Я считаю, что позанимался ей достаточно, свою смену отстоял, но всем, чем могу, помогу в деле объединения демократических сил. Мне известно, как устроен политический процесс на постсоциалистическом пространстве. Дело в том, что постсоциалистический переход по своей природе – тяжелейший процесс. В первую очередь, потому, что он начинается после краха одной системы, и требуется время, чтобы новая система заработала. Это трудная адаптация к радикально изменившимся условиям. Люди, которые в это время возглавляют правительство и политические силы, от такой адаптации неизбежно устают. Население, в свою очередь, устает от этих людей, бывших продолжительное время на виду. Хорошо, говорят они, ты умный, может и не коррумпированный вовсе, но мы устали от тебя. На это не надо обижаться, к этому надо относиться как реальности. Первостепенной задачей здесь (это показывает опыт всех

стран постсоциалистической Европы) является выдвижение нового поколения политических лидеров, тех, кто не примелькался за прошедшие 15 лет. Им помочь надо, поддержать их.

- *Из зала:*

– Спасибо Егор Тимурович.

Дронова М., выпускница ШПП:

– Я очень активно слежу за деятельностью СПС, в частности в регионах, небезызвестный скандальный политик Антон Баков, сейчас очень активно пытается проводить в региональный парламент депутатов, вот в связи с этим у меня вопрос – а что дальше будет в СПС? Да, провели нескольких депутатов в разные региональные парламенты, а что дальше?

И второй вопрос. Возможно ли все-таки объединение СПС и Яблока долгожданное, о чем мы говорим, или все-таки это будет какая-то другая структура, демократическая структура. Без Явлинского, без Чубайса, уж извините, без Вас.

Гайдар Е.Т.:

– Нет, не извиняйтесь. Я как раз, в отличие от вас, не слежу внимательно за текущими перипетиями региональной политики, поэтому не хочу комментировать – не в теме. Могу ответить с более общих позиций. Мой друг, нынешний председатель центрального банка Польши Лешек Бальцеревич в свое время был одним из создателей «Союза свободы», который блестяще выступил на выборах 97-го года. Тогда же я подумал, что, видимо, что-то подобное получится и у нас. В 1999 году получилось. Для этого потребовалась серьезная реорганизация нашей части политического спектра. Тяжелые переговоры – это всегда утомительно, вязко, не быстро, но это надо было сделать, мы это сделали и мы выиграли. В 2001 году «Союз свободы» понес сокрушительное поражение на выборах. Я подумал, что в 2003 году у

нас будут проблемы. Они были. В той же части политического спектра в Польше возник так называемый «Гражданский форум». Он сейчас получил 22% на выборах в Европарламент. Лидеры «Гражданского форума» идеологически такие же, как и мы. Но это другие люди, они молодые, о них 3 года назад вообще никто в Польше не знал. Вот что-то подобное должно быть и у нас. От того, что мы сядем с Явлинским, Чубайсом за стол переговоров и еще раз попытаемся договориться, я боюсь, вряд ли что изменится. Но, тем не менее, сделать так, чтобы мы оказались помощниками, а не преградой на пути к объединению – вот это, на мой взгляд, наша задача.

Шведский О. слушатель ШПП:

– Если позволите, вернемся к образованию, просто такой уточняющий вопрос. Вы сказали, что Вас не убеждают те публикации, те исследования, которые сейчас проводятся, то есть, на Ваш взгляд, вливаться в мировые процессы в образовании, я имею в виду Болонские процессы в первую очередь, России не стоит. То есть производить глубокие реформы образования.

Гайдар Е.Т.:

– Проблемы образования глубоки и носят не только российский характер, они глобальны. И Болонским протоколом они не решаются. Современные системы образования, в том виде, в котором они существуют сегодня, сложились где-то между 40-ми и 60-ми годами. Это было время, когда в мире (я имею в виду наиболее развитые страны) господствовало согласие по нескольким пунктам. Первый из них: у государства есть неограниченные финансовые ресурсы. Сколько надо денег – столько и будет. Просто потому, что был такой период экономического развития – послевоенный. В этот период мир выходил на другие пределы финансовой нагрузки, существовало представление, что денег будет сколько надо. Это представление оказалось

неправильным. Второе представление было правильным и заключалось в том, что образование – это приоритет. И было третье представление, которое стало особенно выраженным с конца 60-х годов. Суть его в том, что образование – это мощный механизм социального выравнивания. Иными словами, мы не можем взять имущество и переделить, всех сделать равными, а вот сделать так, чтобы всем дать равные возможности образования – это в наших силах.

Так социальный аспект стал важнейшей аксиомой для подавляющей части мировой образовательной элиты и образовательного сообщества. А дальше возникли серьезные проблемы, потому что когда и если ставится задача использования образования как инструмента социального выравнивания, то под сомнение попадает качество образования. Поясню: если ты ставишь задачу не просто обеспечить равный доступ к образованию детям из разных социальных групп, но и обеспечить примерное равенство результатов, которые получают выходцы из разных социальных групп (а именно это, после работ Колемана, стало рассматриваться в качестве важнейшей задачи образовательного процесса), то тогда в выборе: качество образования или социальное равенство – ты твердо выбираешь социальное равенство и, соответственно, жертвуешь качеством образования. Дальше возникает набор долгосрочных проблем, которые связаны с тем, что образование на десятилетия стало рассматриваться в качестве способа социального уравнивания. Кстати, преимущества советской школы состояли в том, что в Советском Союзе социальное выравнивание не было целью советского образования. Существовали элитные школы для детей начальства, элитные школы для способных ребят с тем, чтобы потом выпускников этих школ брать в военные ВУЗы, ориентированные на военно-промышленный комплекс. Создавались специальные программы, которые, скажем, невозможны в Англии и США. В СССР не надо было иметь отдельную систему платных школ, которая позволяет

выпускать пар в Англии или в Америке. Система образования Советского Союза была ориентирована не на социальное выравнивание, а на качество знания. И нам сегодня, как мне кажется, очень важно этим не поступиться, этого не потерять. Такая постановка вопроса не означает, что мы не должны ставить задачу подтягивания слабых школ до уровня, хотя бы, средних. Но это не значит, что надо сознательно разрушать систему элитных, качественных школ.

Цибульский А., слушатель ШПП:

– Егор Тимурович, Вы просили в начале дня не говорить о стабилизационных фондах и так далее, но я все-таки позволю себе спросить. Не считаете ли Вы, что расходование данных средств, ну, достаточно взвешенное, на глобальные проекты, скажем, на то же реформирование армии, или на науку, культуру, образование – решит во многом, пусть даже в части, а не во многом наши глобальные проблемы, о которых мы говорим сегодня. Если рано или поздно цены на нефть упадут, мы будем деньги, сэкономленные сегодня тратить на зарплаты, мы их просто проедем. И опять же не решим эти глобальные проблемы, о которых Вы сегодня говорили. Спасибо.

Гайдар Е.Т.:

– Я, наверное, мог согласиться с этой точкой зрения, если бы не знал историю краха экономики Советского Союза. В 1981 году цены на нефть в реальном исчислении были намного выше, чем сейчас. Они были в нынешних долларах – за \$70. И Советский Союз, Советское руководство, Советское правительство сделало ошибку, решив, что цены на нефть высоки навсегда, подстроив структуру экономики, экспорта, бюджета под эту гипотезу. Если цены на нефть навсегда, почему не импортировать по 45 миллионов тонн зерна? Почему на эти нефтедоллары не повесить всю структуру животноводческого комплекса, структуру потребления продуктов питания? Если исходить

из гипотезы постоянства цен на нефть, то и гонку вооружений и само существование военно-промышленного комплекса можно повесить на прибыль от продажи нефти. И бюджет. В те годы я и мои коллеги в разговорах с людьми, близко работавшими с тогдашним с правительством и Центральным комитетом КПСС, предостерегали их от упования на эту гипотезу. На что нам с улыбкой отвечали: «а разве предполагается, что машины будут ездить на воде, а не на бензине»? Вот и сейчас, когда мы говорим то же самое тем, кто считает, будто цены на нефть на века, нам отвечают: «а предполагается ли, что Китай исчезнет»? Китай не исчезнет, но рынок нефти имеет специфику. Это рынок с очень низкой эластичностью объема производства по цене. Именно поэтому на нем столь резкие колебания. При нынешних ценах на нефть очень выгодны вложения в проекты, в которые никто бы не стал вкладывать при \$20 за баррель – в альтернативные источники энергии, в энергосбережение, в нетрадиционные нефтяные месторождения и так далее. А когда средства вложены, проект осуществлен, выясняется, что предложение превышает спрос, а сократить производство невозможно. Так что волатильность рынка нашего основного экспортного товара – это огромный риск. Это первое обстоятельство. Второе. Когда вы начинаете включать подобного рода волатильные, неустойчивые доходы в текущие расходы бюджета, вы должны твердо знать, как ответить на элементарные вопросы: когда цена будет не \$35, а \$10, как вы адаптируетесь к этому? Что у вас будет с курсом, с вкладами, с пенсиями, с денежным довольствием военных? Если вы знаете ответ на эти вопросы, пожалуйста, тратьте стабилизационный фонд. Но беда в том, что никто из тех, кто предлагает сейчас вложить деньги в строительство моста на Сахалин, на подобные вопросы ответа не дает. Третье, если мы не хотим, чтобы Россия всю жизнь оставалась чисто сырьевой страной, то должны научиться бороться с такой проблемой (про нее уже много писали, теперь о ней

стали говорить даже неспециалисты, которые 10 лет назад могли перепутать ее с чем-то неприличным), как «голландская болезнь». Это тяжелейшая проблема, и никто в мире твердо не знает, как с ней бороться. Стабилизационный фонд это один из немногих эффективных способов борьбы с «голландской болезнью».

Белощедов В., выпускник ШПП:

– Беспартийный. Егор Тимурович как Вы относитесь к действиям нашего президента по укреплению вертикали исполнительной власти? И насколько эффективно это будет для России? И второй вопрос: к чему может привести назначение губернаторов в регионах?

Гайдар Е.Т.:

– Я не поддерживаю инициативы президента в этой области. Вспомните, мы губернаторов, а потом первых секретарей обкомов партии назначали и в России, и в Советском Союзе довольно продолжительное время. Это нам помогло победить коррупцию в России? Это не в России воровство считалось национальной особенностью? А разве назначение губернаторов помогло борьбе с терроризмом? Разве в России царей, великих князей, премьер-министров, да тех же губернаторов не убивали? Две революции это остановило? По-моему это странная реакция на реальную проблему.

Гагарин А.С.:

– У меня тогда попутный вопрос возник. Есть такая версия, что это связано с укрупнением регионов, которое грядет. Именно для этого нужны назначаемые губернаторы.

Гайдар Е.Т.:

– Не знаю. Я, как человек, который в политике какое-то время работал, люблю говорить о том, что я знаю.

Гилева Н., слушатель ШГО:

– У меня такой вопрос Егор Тимурович, в послании президента за 2004 год было поставлено две первоочередных задачи. Одна из них это удвоение ВВП. Меня интересует такой вопрос: насколько этот показатель достижим, и в какие сроки? Спасибо.

Гайдар Е.Т.:

– Достижим. Нет ничего в экономической теории, что бы позволило сказать, что этот показатель не достижим. Но, правда, надо сказать и другое. Нет ничего в экономической теории, что позволило бы сказать, что он будет достигнут. Естественно, что политический деятель, руководитель страны, имеет все основания хотеть, чтобы страна демонстрировала динамичный экономический рост. Удвоение, утроение, учетверение – не имеет значения. Он может требовать от своих подчиненных, чтобы они старались реализовать эту задачу. Подчиненные могут стараться это сделать. Они могут сказать, что если им не удастся это сделать, то они уйдут в отставку. Они могут даже сказать, что если им не удастся это сделать, они застрелятся. Они одно не имеют право сделать – подобного рода пожелание включить в бюджетный процесс. Потому что, когда выяснится, что что-то не получается, им придется объяснять военным, пенсионерам, врачам и учителям, что им не будут платить заработную плату.

Швецова А., слушатель ШПП:

– На прошлом семинаре нам говорили о том, что у России существует несколько путей развития и один из них это присоединение России железной рукой к Европе, своеобразная продажа России. А Вы говорите о том, что Россия и Европа это партнеры, особенно сейчас после расширения Евросоюза. Какой путь лучше – стать частью Европы, или остаться все-таки партнерами?

Гайдар Е.Т.:

– К сожалению, у нас нет этого выбора, по крайней мере, в среднесрочной исторической перспективе. Я многократно участвовал в обсуждении вопроса о стратегии европейского развития, но вопрос о членстве России в Евросоюзе никогда всерьез не обсуждался. Европа воспринимает нас, как страну, слишком большую, чтобы ее можно было интегрировать в структуру Евросоюза. Когда обсуждают стратегические вопросы, – про Украину говорят, про Белоруссию, когда Лукашенко не будет. Про Закавказье. Про Россию речь всерьез не заходит никогда. Так что, Европу нам надо понять и принять как соседствующую реальность. В этой связи нам надо выстраивать отношения с европейцами, а европейцам надо выстраивать отношения с нами. Совсем по-другому, чем в Восточной Европе. Мы не будем членами семьи, это надо понять. Но мы соседи, а с соседями выстраивают отношения иначе, чем с членами семьи. В этом и заключается, на мой взгляд, проблема наших отношений с Евросоюзом. Евросоюзу бывает трудно понять, что когда и если у тебя сосед, а не потенциальный жених твоей дочери, то с ним надо по-другому разговаривать. Мне кажется, что и мы, и Евросоюз начинаем учиться этому.

Бархатов Т., слушатель ШПП:

– Егор Тимурович, с легкой руки президента в последнее время всерьез обсуждается такое понятие, как социальная ответственность бизнеса. В экономической теории вообще есть такое понятие и как Вы к этому относитесь?

Гайдар Е.Т.:

– Оно из того же словаря, как «по понятиям».

Годовых М., слушатель ШПП:

– В результате перераспределения прав собственности мы оказались в ситуации неэффективного управления собственностью со стороны многих собственников. Ваше мнение, как государство может

решить эту проблему? Деприватизация, более активные проверки со стороны счетной палаты или политика невмешательства?

Гайдар Е.Т.:

– Мне кажется, что большая часть российской экономики сегодня оказалась в руках эффективных собственников. Просто для того, чтобы приватизация работала, как выяснилось, нужно время. Давайте, сравним с вами ситуацию в динамике двух важнейших отраслей российской экономики. Одна отрасль называется «газ», а другая называется «нефть». Газпром реально приватизированным никогда не был, он стал, по существу, государственным предприятием, что бы там формально не делалось с его акциями. Нефтяная отрасль была реально приватизирована. Да, конечно, сегодня есть очень серьезные проблемы, связанные с делом ЮКОСА, но давайте на минуту абстрагируемся от этого. Начнем с нефти. Итак, нефть, 1995 год. Падение добычи началось еще на государственных предприятиях и шло темпами 50 миллионов тонн в год, начиная с 90-го года. 1995– 96 годы, приватизация. Полный бардак. Махинации с активами, бегство капитала, борьба за собственность, плохой менеджмент, падение добычи, низкие инвестиции. А вот Газпром, те же годы. Конечно, нельзя сказать, что все хорошо, но нет такого падения добычи. Есть непрозрачные сделки, но не в таких масштабах, как в нефтяной отрасли. Инвестиции медленно, но идут. Вывод – приватизация ничего не дает. Смотрим на происходящее дальше. Лето 2003 года, Газпром. Очень серьезные проблемы с инвестициями, растущая задолженность, которая непонятно как обслуживается. Полный бардак с финансовыми потоками, непрозрачные сделки с собственностью, нерастущая добыча. Нефть. Эффективные компании, быстрый рост инвестиций, финансовая прозрачность, эффективный менеджмент. Главная проблема – это как не поссориться с ОПЕК из-за того, что у нас темпы роста добычи 50 миллионов тонн в год. Вот вам реальные результаты приватизации и не приватизации. У

нас колоссальные проблемы не с тем, что мы приватизировали, а с тем, что мы не доприватизировали. Этот сектор унитарных предприятий – гнилой зуб российской экономики, который мы не вылечили именно потому, что нет собственника, нет эффективного менеджмента: по-прежнему воруют, как воровали в 1991 году. У нас очень серьезные проблемы в государственных компаниях. В этой связи я думаю, главное, что с собственностью не надо делать – не надо трясти. Мы трясли ее уже и в 1917 году, и 1991, может быть хватит? У меня была как-то высокопоставленная китайская делегация. У них серьезные проблемы с государственной промышленностью, они приезжали мягко посоветоваться по вопросам приватизации. Я сказал им, что приватизация – это вопрос сугубо политический, а не проблема экономической теории. Впрочем, один совет я этой делегации дал: когда главный китайский руководитель решит всерьез проводить приватизацию, ответственным за нее надо назначить человека, которого он ненавидит больше всего в своей жизни.

Сергеев М., слушатель ШПП:

– Уважаемый Егор Тимурович, вопрос касается формирования политической элиты у нас в государстве. На Ваш взгляд, какой это процесс? Естественный, стихийный, или, в большей мере, становящийся искусственным, в том числе, с помощью политических инкубаторов типа Открытой России? И сказывается ли на качестве политика судьба его становления? Или он выходец из центра, с периферии, из регионов или выходец из бизнеса, из чиновничества и так далее, ученый, военный? И второй маленький вопрос, если позволите. Насколько наше государство заинтересовано, если да, то насколько, в поддержании теневой экономики и в той дармовой рабочей силе, источником которой является наша армия? Спасибо.

Гайдар Е.Т.:

– По поводу политической элиты хочется процитировать моего друга и коллегу Бориса Ефимовича Немцова, который, выступая на митинге в Киеве, назвал виновников происходящего нерушимым блоком чекистов и рецидивистов. Это по поводу политической элиты. Вы знаете, я честно вам скажу, не знаю. Здесь нет единых правил, ситуация регионализирована. Она меняется. Что здесь важно, на мой взгляд, так это не затягивать наглухо крышкой этот кипящий котел. Вот сейчас одна из идей, это переход к чисто партийным выборам в Государственную думу. Почему она мне не нравится и кажется опасной? Да, я согласен с тем, что сказал президент: депутат одномандатник ни на что повлиять реально не может. Это, как в старом советском анекдоте: самая независимая страна – это Монголия, потому что от нее ничего не зависит. Но, тем не менее, одномандатники – часто политически активные, талантливые люди, которые иногда по 3– 5 раз выигрывают выборы в своих мажоритарных округах. Кстати говоря, обладая политическим опытом, они много и часто плодотворно выступают при обсуждении законопроектов в Думе. У них есть то, что называется на английском языке «voice», голос. Они присутствуют на политической сцене, и это значит, что есть канал выхода на политическую арену талантливых, харизматических лидеров, которые потом могут быть лидерами партий. Так что жестко задвигать крышку котла, в котором варится политическое варево, не стоит.

Горкунова Т., слушатель ШПП:

– Егор Тимурович, говоря о демократической ситуации, Вы затронули проблему потребления алкоголя. Проблема на самом деле огромная, поскольку алкоголизация населения, с одной стороны, естественным путем повышает показатель смертности, и, с другой стороны, таким же естественным путем понижает показатель рождаемости. Что мы наблюдаем, опять же, вокруг себя? С одной стороны, повсеместная и неограниченная продажа алкоголя, а, с другой

стороны, отсутствие принудительного лечения, поскольку для госпитализации требуется подпись человека, находящегося в невменяемом состоянии. И мой вопрос таков: волнует ли эта проблема кого-то на уровне более высоком, чем родственники алкоголиков? Спасибо.

Гайдар Е.Т.:

– Безусловно, проблема эта волнует. Беда в том, что нет простых рецептов того, как бороться с алкоголизмом в России. Вот, например, когда мне предлагают варианты решения чеченской проблемы иностранцы, я обычно говорю, что если кто-нибудь из них решит ближневосточную проблему, мы немедленно пригласим его в Россию решить чеченскую. Если когда-нибудь, кто-нибудь мне скажет, как решить проблему алкоголизации, кроме как ростом культурного уровня, ростом уровня образования, расширением различных способов организации досуга, я буду счастлив. Однако пока такого еще ни от кого в жизни своей не услышал. Известно, что в России два раза предпринимали попытку в лоб справиться с проблемой алкоголизации российского населения. Первый раз на этом развалилась российская империя, потому что «сухой закон» был важнейшим фактором финансовой дестабилизации, которая спровоцировала революцию. А второй раз рухнул Советский Союз. Так вот, в третий раз лобовым способом решать эту проблему я бы не советовал.

Гинзбург Е.А., пенсионер:

– Егор Тимурович, я бы хотел затронуть такую проблему, как несоответствие личных интересов человека общественным интересам. То ли он выполняет обязанности госслужащего, то ли работает в коллективе, конечно, Вас этим не удивишь, Вы все это прекрасно знаете, что не всегда человека заинтересован в том, что он декларирует. Но, к сожалению, я работал в научно исследовательских институтах, и на

заводе и в коммерческих предприятиях и в армии служил. И на протяжении всей жизни, конечно, наблюдал это дело. Но приходится констатировать факт, что на деле это приводит к срыву тех задач, которые ставит коллектив, объединяющий людей. То есть люди, объединенные конечной целью, вроде бы в ней заинтересованные, при выполнении этой задачи, ну, скажем, мешают друг другу, конкурируют в ущерб этой задаче. Только это приводит к тому, что если проектируют какую то машину, то она либо вообще не сделана, либо ее сроки проектирования затягиваются, либо вообще. Ну, Вы все это знаете.

Гагарин А.С.:

– Хорошо, вопрос понятен.

Гинзбург Е.А.:

– А в политической сфере, даже такие люди как Немцов и Явлинский обсуждают проблему кого выдвинуть президентом от демократических сил. Ну не все ли равно во имя объединения кто из них будет, уступи. Нет, вот тут в результате полный провал. Кажется уж такие развитые интеллектуальные люди, но. А в обосновании своих, приводят такие схемы, которые это самое. Так я хотел что спросить. То, что я говорю, конечно, никого не удивит, все мы имеем жизненный опыт и знаем это на практике, когда даже элементарную вещь невозможно организовать толком, но вот верите ли Вы, что когда такая традиция или такие жизненные установки имеют большое влияние. Возможно ли вообще решение каких-либо реформ, каким то образом. Ведь мы же фактически наблюдаем, что ни одна задача, которая декларируется на протяжении последних 10 лет. Не выполнена.

Гагарин А.С.:

– Спасибо большое. У нас времени не так много, вопрос Ваш понятен. Это вопрос философско-психологический или наоборот психолого-философский.

Гайдар Е.Т.:

– Жизнь сложна...

Гагарин А.С.:

– Bravo. Пожалуйста, у нас, по-моему, Сергей Богданов хотел.

Богданов С., слушатель ШПП:

– Уважаемый Егор Тимурович, если я Вас правильно понял, то процесс депопулизации в России, он будет тянуться еще нескончаемо долго и единственный выход из этого, это создать благоприятные условия для иммиграции из других стран. А не кажется ли Вам такая точка зрения хорошим аргументом полностью свернуть задачи внутренней политики по снижению смертности, повышению рождаемости и так далее.

Гайдар Е.Т.:

– Нет. Эта тема давно и подробно исследована. Существуют две гипотезы относительно повышения рождаемости. Согласно первой из них мы на протяжении следующих десятилетий, поднимем рождаемость до показателя простого воспроизводства (чего нет ни в одной развитой стране мира, даже и в США, где показатели рождаемости самые высокие из развитых стран, в первую очередь из-за большой иммиграции). Согласно другой – выведем продолжительность жизни на показатели, характерные для наиболее развитых стран западной Европы. Однако независимо от того, сработает ли хоть одно из этих предположений, все равно население России сократится на протяжении следующих 50 лет, по меньшей мере, на 30 миллионов человек. Но я не сказал бы, что являюсь противником принятия всех возможных мер для повышения продолжительности жизни и стимулирования роста рождаемости. Надо понимать только, что это процессы – крайне инерционные и влиять на них так, чтобы они начали меняться уже завтра – не получится.

Постников Д., слушатель ШПП:

– У меня вопрос сугубо профессиональный, как Вы смотрите, Ваше видение развития малого бизнеса, и меня очень волнует вопрос: у нас в малых городах не то, что малый бизнес, его развитие застопорилось, происходит некий процесс стагнации. Вот Ваше видение развития малого бизнеса в малых городах? Спасибо.

Гайдар Е.Т.:

– Это один самых сложных вопросов экономической политики. Потому что он упирается в другой сложнейший вопрос. Вопрос о качестве административного аппарата, необходимости административной реформы. Главная проблема российского малого бизнеса – это административный рэкет, вымогательство. Не налоги, а именно административный рэкет. Кстати, борьба с административным вымогательством является одним из приоритетов правительства на протяжении последних лет во всех программах. Все что пишется, как правило, не бессмысленно. Беда в том, что это как раз та реформа, по поводу которой можно легко написать 7 страниц вполне разумного, осмысленного текста, но ее бесконечно трудно практически воплотить в жизнь. Вот почему наш институт, в своей истории разработавший многие важнейшие реформы – от фискальной до межбюджетных трансфертов – никогда не брался за разработку программ административной реформы. Это не значит, что я считаю такую задачу нерешаемой. Ее можно решить, но только тогда, когда есть твердая уверенность в том, что первое лицо в государстве не просто ее поддержит на словах, подпишет указ, постановление, закон, а будет ей заниматься как приоритетным делом, на протяжении многих и многих месяцев. Потому что 7 страниц любой умник напишет. А затем их нужно и должно перевести в жанр абсолютно конкретных документов, из которых следует, как будет реформирована система ГИБДД. Как

будет реформирован Санэпиднадзор. Как будет реформирован Пожарный надзор. Как будет реформирована Налоговая служба. Причем все это должно быть воплощено в форму документов, которые существенно сокращают произвол этих служб, а документы эти сложнейшие технически. Попробуй, напиши документ о том, как ты сокращаешь права Санэпиднадзора, тебе завтра эпидемию устроят, а потом скажут – вот видите, нареформировались. Или 4 крупных пожара. Необходимо иметь некий уровень сотрудничества этих ведомств в деле, которое внутренне им глубоко претит, потому что суть этого дела – сокращение их произвола.

Баранник О., слушатель ШПП:

– У меня вопрос следующий. Это вопрос – продолжение вопроса Вадима Белошедова про вертикаль власти. Не кажется ли Вам, что мы потихонечку подходим к грани возможной социально-экономической революции? В связи вот с чем: мы говорим, что политическая система, которая выстраивается в стране, имеет такие характеристики как стагнация, инертность, предельная негибкость. Это с одной стороны. С другой, мы видим, что бизнес и мелкий, и средний, и крупный развивается в диаметрально противоположном направлении. Он становится все более гибким, все более развивающимся, все более динамичным. И не получается ли тогда, что просто возникает конфликт между двумя системами, которые движутся векторно, в диаметрально противоположных направлениях. Спасибо.

Гайдар Е.Т.:

– Я полностью разделяю ваши опасения. Именно этот конфликт мне кажется стратегически одним из самых опасных процессов, которые сегодня могут подрвать социально-экономическую и политическую стабильность. Я очень надеюсь, что этого не произойдет. Видите ли, мне пришлось не только пережить революцию, как и многим из вас, но и

правительством руководить в условиях революции. И я твердо знаю, что ничего романтического в революциях нет. И уж если случились у нас две революции в XX веке – в 1917 и в 1991–93 гг., то этого хватит и нашим детям и внукам. Но в чем вы абсолютно правы, это в том, что если делать все так, как делается, а именно, действительно пытаться устроить в условиях уже открытого глобального, интегрированного в мир рыночного общества, управляемую демократию, то раньше или позже рванет точно. Вопрос только когда, и в каких формах.

Свалов Е., слушатель ШПП:

– Егор Тимурович, хотелось бы спросить Ваше личное мнение по делу ЮКОСА. К чему это нас может привести?

Гайдар Е.Т.:

– Я знаю хорошо дело ЮКОСа и считаю, что в нем были серьезные политические ошибки, допущенные с обеих сторон, которые имели крайне негативные последствия для страны. Не хочу входить в технические детали, но то, что это все очень плохо, очевидно. Все время думал, когда произошедшее начнет сказываться на экономической динамике. Так вот, когда выставили первый налоговый счет ЮКОСу, это было весной, мне позвонил мой друг, бывший первый заместитель директора-распорядителя Международного Валютного Фонда, профессор, а сейчас вице-президент Сити Банка. Он спросил: скажи, они понимают, что когда возникают подобного рода непредсказуемые налоговые обязательства к крупнейшей компании на такие суммы, как это скажется на инвестиционной привлекательности, кредитном рейтинге? Я ответил, что те, кто понимают, не могут на это повлиять, а те, кто могут повлиять, – не понимают. Если кто-то хочет остановить экономический рост в России, то самый надежный способ – продолжать делать то, что делают с ЮКОСом. Мы годами старались сделать Россию скучной страной. Скучной, в смысле предсказуемой. Весной 2003 года

ко мне стали приходить московские корреспонденты крупнейших международных газет и жаловаться, что Россия стала неинтересной, скучной, ничего не происходит. С лета 2003 года проблема скуки полностью решена. Это очень опасно для экономического роста.

Пенкин В., слушатель ШПП:

– У меня вопрос как к человеку, работавшему в правительстве. Как общество, на ваш взгляд, влияет ли на правительство, и если у правительства такая профессиональная циничная броня, подвержено ли оно влиянию общества?

Гайдар Е.Т.:

– Очень по-разному в разные времена и при разных правительствах. В целом, скорее да, чем нет. По разным каналам: через общественное мнение, печать, парламент. Сейчас, на мой взгляд, менее подвержено, чем было. Скажем, взять прошлую Госдуму. На самом деле, значение Думы в реальном процессе выработки решений, как мне кажется, российское общество сильно недооценивало. В прошлой Думе правительство, как правило, могло собрать большинство, но это всегда был вопрос договоров, согласований, тщательной работы, борьбы. В этом процессе, конечно, правительство идет на какие-то уступки лоббистам, но зато документы внимательно прорабатываются. Много моих друзей работает и в правительстве, и в Центральном банке. Они квалифицированные люди, не коррумпированные, они хотят добра. Но все они прекрасно понимают, что добиться того, чтобы из правительства выходили хорошо проработанные документы в принципе невозможно, потому что слишком много текучки, повседневных забот, невозможно сосредоточиться и внимательно изучить важный закон. А если в парламенте работают хотя бы два десятка квалифицированных экономистов и юристов, они внимательно почитают этот законопроект, зададут вопросы ответственному лицу, представившему этот документ,

выработают поправки. После проработки специалистами в Думе этот документ будет существенно лучше. К сожалению, между прошлой Думой и нынешней существует принципиальная разница. Все это негативно влияет на процесс разработки любых законопроектов.

Выборнова Е., слушатель ШПП:

– Очень интересно было послушать Ваш доклад. Немного разочаровало, что не хватило времени на проблему социальной политики. Хотелось бы узнать какова, по Вашему мнению, оптимальная модель социальной политики для России, учитывая ту демографическую ситуацию и развитие мировой экономики?

Гайдар Е.Т.:

– Это непростой вопрос. Я попытаюсь, не входя в детали, сказать, что, на мой взгляд, является фундаментальными проблемами социальной политики – и российской, и мировой. На протяжении веков существовало представление о верхних пределах налогообложения. Это был важнейший параметр всех аграрных обществ. Все, что происходило в аграрных обществах, вращалось вокруг того, сколько можно с крестьянина состричь. Если пытаешься состричь слишком мало, то у тебя не хватает денег на оборону или на государственное управление. Если пытаешься состричь слишком много, крестьяне начинают бежать из деревни, уходить в разбойники, эмигрировать. Такое балансирование – это почти самый важный инструмент всех аграрных обществ. За счет того, что отбирали у крестьянства существует царь, его семья, государственный аппарат, налоговая служба, армия. К началу XX века представление о том, что десятая – это нормальный предел налогообложения, было доминирующим в мире. Считалось также, что 5% – это относительно либеральная система, 15% – это слишком много и несовместимо с экономическим ростом. Но, когда начался современный экономический рост, когда возникли абсолютно новые

технологические возможности, когда уровень жизни давно вышел за пределы физического выживания, выяснилось, что пределы налогообложения, которые тысячелетия казались стабильными, нестабильны. Во время Первой мировой войны выяснилось, что, если надо, можно без всякого труда изъять 40% ВВП. После войны происходят некоторые сокращения объема налоговых изъятий. Но стереотип уже разрушен. Позже на систему налогообложения накладывается масса социальных проблем ранней индустриализации: безработица, проблемы старости, медицины, образования. И выясняется, что все эти проблемы можно решить элементарным образом: просто начните собирать намного больше налогов, а тогда – и бесплатное образование, и пенсионная система, и бесплатное здравоохранение, и пособие по безработице – все будет. Практически все современные системы социальной защиты реально формировались в мире на фоне этой эйфории. Дискуссия о существовании верхних пределов налогообложения на десятилетия уходит из литературы. Перемены произошли на рубеже 60–70-х годов XX века, когда выяснилось, что если в условиях постиндустриального общества государство пытается взять слишком много, то начинается уход из-под налогового обложения. Появляется теневая экономика, начинается миграция бизнеса в страны с более благоприятным налоговым режимом, растет оппозиция налогоплательщиков к дальнейшему росту налогов. Выясняется, что столько брать налогов нельзя, а вот столько можно, причем, это величина разная для разных стран. Условно говоря, для моноэтнических стран она выше, а для стран полиэтнических, как США, она ниже. В федерациях она меньше, в унитарных государствах – больше. Но везде система ограничений налогообложения существует. Между тем пенсионная система, система здравоохранения, образования, социальной защиты построены, исходя из гипотезы, что ограничений, связанных с пределами мобилизации налоговых доходов, быть не может. Существует

бесплатное здравоохранение, но доля пожилых возрастных групп в составе населения растет. И это – устойчивая тенденция. Она задана на десятилетия вперед. Расходы на здравоохранение старших возрастных групп существенно выше средних. К тому же возникают все новые и более совершенные препараты и методы лечения. Одновременно возрастают возможности предоставления медицинской помощи и спрос населения на медицинские услуги. Экспоненциальное повышение спроса на медицинские услуги задано фундаментальными характеристиками постиндустриального общества. Но одновременно есть и жесткие ограничения на дальнейшее увеличение доли государственных изъятий в ВВП.

Сеньшин Е., слушатель ШПП:

– Возвращаясь к Вашему выступлению. Сегодня в западной политической науке, политической публицистике, часто стали появляться книги с названиями, типа «Смерть Запада», «Сумерки Запада», «Конец Америки уже» и так далее. Какое отношение это имеет к Вашему выступлению? В той же книге Патрика Бьюкинена идет изложение проблем точь в точь, как излагали Вы. Начинается с того, сокращается население европейцев и американцев, затем иммиграция и все в той же самой последовательности и какой они делают вывод? Это усиление роли государства, культуры, духовности, протестантской этики и ограничение миграции. Вот насколько эффективна эта политика для решения этих проблем по сути дела, Вы об этом говорили, это проблем переходного периода? Насколько это реально, что Америка и Запад может пойти по такому пути, прислушаться к таким политикам. И следующий вопрос, опять в продолжение этого. В вашей биографии сказано, что вы исполнительный вице-президент Международного демократического союза и в скобках Консервативный интернационал. Скажите, Вы считаете себя консерватором, если Вы консерватор, то в чем это заключается. Дело в том, что эти люди с их лозунгами и их

политическими взглядами тоже называют себя консерваторами, но у них и у Вас идеология очень разная.

Гайдар Е.Т.:

- Эта бумага чуть устарела, я подал в отставку со своего поста после того, как мы проиграли выборы по вполне понятным основаниям. Международный демократический союз – это организация правоцентристских партий. Она была создана в свое время по инициативе Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Конечно, как всякая подобная организация, она разнородна. Она объединяет американских республиканцев, британских консерваторов, немецкие ХДС и ХСС, десятки других партий. В основном, как правило, партии, которые являются в большей или меньшей степени либеральными с точки зрения экономики, то есть выступающие за низкие налоги, открытую экономику, и при этом достаточно диверсифицированные, с точки зрения идеологии, более или менее религиозные. В политике, если хочешь в ней участвовать, важно создавать относительно широкие эффективные коалиции. Демократическая партия США, как и республиканская, – это коалиция людей, которых представить вместе за одним столом трудно. Но они понимают, что если они будут сидеть только с теми, кто полностью разделяет их убеждения, то будут сидеть на кухне. Сейчас реально идет серьезная борьба внутри администрации США между неоконсерваторами и прагматиками. Как она завершится, будет видно, и от этого во многом будет зависеть исход второго срока президентства Буша.

- ***Селезеньков А.:***

– Сегодня я второй уже услышал, что вопрос вступления в ВТО серьезно не рассматривается. В связи с этим вопрос – действительно ли Россия собирается вступать в ВТО или это просто кто-то зарабатывает политически очки точно так же, как острова Япония – Россия?

Гайдар Е.Т.:

– Эта тема активно обсуждается с нашими основными торговыми партнерами. Больше того, в мае этого года было достигнуто серьезное продвижение вперед, когда нам удалось договориться с европейцами. Естественно, никогда и никто – ни мы, ни европейцы в этом не признаемся – но, почему-то мне кажется, что мы обменяли Киотский протокол на конструктивную позицию Европы по поводу нашего членства в ВТО. Как мне кажется, наше вступление в ВТО само по себе в краткосрочной перспективе серьезного влияния ни на российскую, ни на мировую экономику не окажет. При нашей структуре экспорта и проницаемости границ, при нашем не формальном, а фактическом импортном тарифе это с точки зрения того что будет происходить через год или три просто неважно. Почему это важно стратегически? Во-первых, – это серьезный сигнал миру о том, что инвестиционный климат в России улучшается. При этом не следует забывать, что если будут высказаны налоговые претензии к нескольким крупнейшим компаниям, да еще параллельно начнется обсуждение того, что делать с их собственностью, ни о каком улучшении инвестиционного климата и речи не пойдет. Во-вторых, вступление в ВТО – позитивно с точки зрения расширения наших возможностей доступа к рынкам несырьевой продукции. И, в-третьих, – это в некотором смысле возможность связать самим себе руки. Экономический рост в Европе начался, когда произошло то, что замечательный американский экономист Дэвид Норт назвал «власть связала себе руки». ВТО – это в каком-то смысле способ связать себе руки, чтобы не делать глупости. Стратегически, вступление России в ВТО – позитивно, и я надеюсь, что здесь медленное продвижение будет. Почему медленное? Во-первых, надо понять, что ВТО – это не организация романтиков и либералов, а международная организация лоббистов, которые ожесточенно торгуются за свои собственные привилегии. Значит, придется долго с ними торговаться.

Во-вторых, в этой ситуации, когда ставишь сам себе временной лимит по вступлению в организацию, то резко ухудшаешь свою переговорную позицию.

Головин Д., предприниматель:

– У меня вопрос, он у меня все время внутри, – влияние исламского фундаментализма на политически экономические процессы в России. И по-другому – Шамиль Басаев, как зеркало радикализации российских экономических и политических процессов. Ваш взгляд на вызов, который стоит перед страной в долгосрочной перспективе.

Гайдар Е.Т.:

– Первое. Проблема, на мой взгляд, реальная и серьезная. Второе. Убежден, что деньги на терроризм в России идут не только из России. В этой связи мы – элемент единого мирового поля. Именно поэтому объективно союзники с США и с Европой, и с Китаем. Именно поэтому нам нужны эффективно функционирующие силовые структуры, которые занимаются не выработкой идей улучшения качества экономической политики, а своим непосредственным делом.

Кузнецов Ю.Г., член наблюдательного совета ШПП:

– Как Вы оцениваете возможность сохранения Путина, например, в режиме перехода в правительство, этот вариант активно обсуждается, или в каком-то другом варианте. Создание, может быть не де-юре, но де-факто парламентской республики. Или он так же, как Вы, свою вахту восьмилетнюю отстоит и скажет: все, я свою вахту отстоял, должны прийти новые люди. Или все-таки будет сохраняться?

Гайдар Е.Т.:

– Есть один человек, которому имеет смысл адресовать это вопрос, его нет сегодня в этом зале.

Кураев В., гость:

– У меня вопрос по теме о стратегических проблемах развития России. Сегодня много говорилось о социальных проблемах, о демографических проблемах, призыва в армию и так далее. Но, к сожалению, не прозвучали проблемы развития промышленности, производства, очень важные проблемы развития производительных сил, развития производственных отношений. Не кажется ли Вам, то, что было озвучено здесь, во многом зависит от решения именно этих проблем. Если говорить о проблемах образования, о которых сегодня тоже много говорили, здесь мы в глубинке и провинции как нигде чувствуем, что молодые люди, которые заканчивают вузы, потом просто не могут найти себе применение, и находят себя не в создании добавочного продукта, а в создании добавочной стоимости. Находят применение своего интеллекта в создании и развитии всяких финансово-экономических пирамид и так далее. Как Вы смотрите на этот аспект, не считает ли Вы, что многие проблем уйдут и решатся, если мы будем заниматься делом в стране?

Гайдар Е.Т.:

– В XVIII веке физиократы утверждали, выражая распространенное мнение, что единственный производительный труд – это труд в сельском хозяйстве. Что все, кто не работают в сельском хозяйстве, а, скажем, работают в промышленности, ремесле, – это нахлебники. Сегодня, как вы знаете, в развитых странах в сельском хозяйстве работает 2% занятых. И нормально там с хлебом, главная проблема, куда его девать и как оградить свой рынок от иностранной конкуренции. Когда начался современный экономический рост, его назвали индустриализацией потому, что он начал сокращение доли сельского хозяйства и рост доли промышленности. И довольно долго его и отождествляли с индустриализацией. А потом выяснилось, что приходит момент, когда начинается бурное сокращение доли числа занятых в промышленности в общей численности занятых.

Стремительно растет доля сферы услуг, и доля этой сферы оказывается доминирующей в занятости и в ВВП во всех богатых и обеспеченных странах. Мы сегодня подошли именно к этому моменту. Надо понять, что в России, если все будет нормально с развитием экономики, доля занятых в промышленности будет сокращаться и должна сокращаться, а доля занятых в сфере услуг будет расти. Это не значит, что сельское хозяйство не нужно или не важно, надо понять, что только так устроены процессы развития экономики в мире. Да, важнейшая задача – это, конечно, повышение эффективности, конкурентоспособности нашей промышленности. Однако через 50 лет, если не будет потрясений, у нас в промышленности вместе с сельским хозяйством, будет работать 25% занятых.

Жданухин Д., слушатель ШПП:

– Стратегия развития России должна отражаться в каких-то жестких нормативных документах, как Конституция Российской Федерации? Или все должно более косвенными методами, путем воздействия именно на фундаментальные проблемы, которые Вы нам описали.

Гайдар Е.Т.:

– Думаю, что подобного рода вещи в документах отразить невозможно. Важно, чтобы они были в головах тех, кто вырабатывает политику или влияет на выработку политики. Я не осветил малой доли того, что надо понимать и принимать во внимание, когда обсуждается проблема стратегии развития России. Я не говорил дефинитивно, что надо сделать и как. Был предложен только некий набор целей, проблем, процессов и тенденций, то есть меню, из которого люди, принимающие решения выбрали бы нужное блюдо. Главное, чтобы они понимали, в каком мире живут.

Мошкарёв О.:

– Монетизация льгот – мера вынужденная, вымеренная экономически и стратегически, либо это чья-то очередная глупость?

Гайдар Е.Т.:

– Монетизация льгот была абсолютно необходима. Но как человек, которому приходилось какое-то количество реформ в жизни проводить, могу сказать, что есть реформы, которые хорошо организованы, скажем, налоговая реформа 2000 года, а есть плохо организованные реформы. Реформа монетизация льгот – хуже не бывает.

Столярова А., слушатель ШПП:

– Вы говорите о том, что Россия давно и надолго отстает от развитых стран на два поколения. В этой ситуации, что нужно делать в плане стратегического развития экономики России: соблюдать эту дистанцию дальше, как-то ее сокращать или существовать своим особым путем?

Гайдар Е.Т.:

– Это вопрос о желании. Мы можем хотеть сократить дистанцию, можем не хотеть, получится так, как получится. Я считаю, что есть две вещи, которые важно понимать при обсуждении российских приоритетов. Первое, что для нас важно – это не краткосрочное ускорение роста, а создание предпосылок устойчивого длительного развития. Дело в том, что в экономике действительно есть набор рецептов, позволяющих в краткосрочной перспективе ускорить экономический рост, но при этом создаются риски долгосрочной нестабильности. И второе. Наша стратегическая задача не заключается в том, чтобы кого-то догнать, наша цель – устроить нормальную жизнь в России в XXI веке на поколения вперед. А Португалия, убежит от нас или нет, пусть это заботит ее. Но вот то, чтобы у нас жизнь становилась с каждым годом все лучше и лучше, и как-нибудь прожить XXI век без войн, катастроф и глобальных экономических кризисов – это важно.

Чупин А., гость:

– У меня вопрос по экономике. Проблема глобализации и место России в будущей мировой экономике. Есть ли долговременные прогнозы, какие технологии будут кормить многомиллионное население России, когда закончится нефть и газ, а это произойдет на протяжении ныне живущего поколения? Что делать с лишним населением в России, и как Вы относитесь к словам Маргарет Тэтчер, что здесь экономически обосновано проживание 30–35 миллионов человек?

Гайдар Е.Т.:

– Не верю подобного рода суждениям. Исходя из того, что я кое-что понимаю в экономической географии, это полная чушь. Конечно, мне бы очень хотелось сократить зависимость российского бюджета от нефти и газа. А если не делать глупостей, которые мы совершаем в последнее время, то такое вполне возможно. В нашем экспорте, как ни странно, машиностроение, – самый быстрорастущий сегмент. Никто нам не докажет, что мы тут навеки прокляты. Насчет того, как там с запасами нефти? Если вы посмотрите, то в 1960 году запасов было на 10 лет. И в 1970, и в 1980, и в 1990. Конечно, это не значит, что запасы нефти и газа безграничны, но есть основания полагать, что и через 20 лет выяснится, что у нас опять запасов нефти осталось на 10 лет. А такое возможно, учитывая, что резко увеличиваются технические возможности, появляются новые способы разведки, гораздо более экономичные. В общем, не надо пугать себя этими цифрами.

Заборенко А. слушатель ШПП.:

– В Москве 12 декабря откроется гражданский форум. Как Вы считаете, это иллюзия или реальный путь к объединению общества?

Гайдар Е.Т.:

– Не знаю. Я в свое время занимался подобного рода объединительными инициативами в 1993 году, в 95 году, в 99 году.

Могу сказать, что это мучительная работа, очень тяжелая, требующая времени, сил, терпения. Здесь не надо ждать прорыва сразу. Я абсолютно убежден, что объединительные инициативы возможны и необходимы. Если не получится на Гражданском форуме что-то сделать, не надо опускать руки, говорить, что все пропало. Надо продолжать дальше.

Губанов А.:

– Евгений Ясин недавно сказал одну фразу очень серьезную, он предсказывает, что последствия сегодняшней политики правительства скажутся на экономике уже в следующем году и скажутся весьма негативно. Что Вы думаете по этому поводу?

Гайдар Е.Т.:

– Я очень боюсь делать подобного рода прогнозы, потому что их невозможно сделать точно. Это задача, не имеющая научного решения. То, что это создает риски для роста – очевидно. Больше того, если я правильно понимаю, это стало сказываться на экономике не в следующем году, а уже в этом. Те индикаторы, за которыми я слежу на протяжении последних четырех месяцев, мне очень не нравятся. Я надеюсь, что мои опасения преждевременны.

Прыткова Ю.:

– У меня вопрос не к стратегическим проблемам развития России, а к Вашему личному опыту. Получилось так, что в начале 90-х годов Вы из кабинетного человека стали супер публичным политиком, ответственным за все, что происходит в этой стране. Что в то период было самым трудным, и, что помогало Вам мириться с этой публичностью? Как происходила адаптация к публичности?

Гайдар Е.Т.:

– Без всякого удовольствия.

Гагарин А.С.:

– У нас по плану переход к дискуссии. Кто бы отел сделать развернутое выступление и познакомить нас с каким-то суждением относительно тех или иных вопросов, которые здесь обсуждались. Пожалуйста.

Панов А.:

– Егор Тимурович, во-первых, спасибо за стратегический уровень, очень интересно было послушать. Действительно взгляд на некоторые проблемы очень оригинален, и просто не приходило в голову, какие вещи могут влиять на стратегические проблемы развития России. В связи с этим, хотелось бы все-таки задуматься еще раз о том, с чего Вы начали. О проблемах, связанных с демографией абсолютно согласен с Вами, что проблема очень серьезная и практически неулучшаемая. Многие учены, политологи, философы говорят о том, что, когда население сокращается, причем в таких размерах, в каких нам предстоит увидеть в ближайшее 2–3 десятилетия, это минус для страны. Речь идет о сокращении, по одним оценкам, на 30 миллионов, а другим – на 50. первый вывод, который я сделал, что Егор Тимурович разделяет эти опасения и что надо учить китайский язык, другого пути нет. Само отношение докладчика к проблемам эмиграции мне просто показалось интересным, потому что всегда об эмиграции говорят со знаком минус. А нам сегодня попытались показать то, что процесс неизбежен и он объективно выгоден. Действительно, то население, которые есть в России, оно не согласно работать на ряде должностей и ничего сделать с этим нельзя. Конечно, проблема комплексная и требует нестандартного подхода. В ближайшие десятилетия что будет? Мы видим, по приграничным областям, что происходит, где количество коренного населения меньше 50%, и очевидно это влияние и на дальнейшие регионы сказываться. А второе, чтобы мне хотелось услышать, что не

было сказано подробно, – это проблема международного разделения труда и места России. Я так и не понял, как Егор Тимурович относится к месту России в международном разделении труда, в этом глобальном мире, с этими новыми вызовами. А связанный с ним вопрос, об этом немного было сказано – федерализм. Ведь по оценке ряду ученых, если верить в теорию заговора, это проблема распада страны, не знаю, Егор Тимурович говорил, что он в заговор не верит. Страна распадется на 9–10 государств, что мы до этого доживем, это будет в ближайшее время, и что такие страны выживут и на вызовы меняющегося мира более адекватно ответят, чем та федерации, которая существует сегодня. Хотелось бы логического окончания этой темы.

Гайдар Е.Т.:

– Мне кажется, что при благоприятном развитии событий Россия может быть высоко конкурентоспособной на рынках энергоемкой и материалоемкой продукции, скажем, материалоемкого машиностроения, на рынке образовательных и инженерных услуг, если называть основные направления. Но дело в том, что здесь есть проблема, которую не всегда понимают. В XIX, XX веке для ускорения экономического роста очень часто и широко применялись инструменты промышленной политики. Вы помните, как у Маркса сказано о том, что более развитые страны показывают менее развитым картину их собственного будущего. Все понятно, что надо делать для развития. Вот смотришь: в более развитой стране угольные шахты есть, и нам нужны; металлургические заводы есть, и нам нужны; химические заводы есть, и нам нужны. Дальше ты разными способами пытаешься обеспечивать то необходимое, что имеется в стране-лидере. То есть, ты уверен: если будешь все делать примерно также, то сильно не ошибешься. Но все это работало до 50–60-х годов XX века. А потом развитые страны входят в стадию постиндустриального развития, где все гораздо сложнее, менее прогнозируемо. Ты увидел, что в Америке есть производство тех же

компьютеров образца 60-х годов, начинаешь строить завод по их производству. А в 80-м они никому не нужны. Так и по многим другим направлениям. Слишком быстро начинает меняться мир, слишком непредсказуемо меняться. В этой связи я категорический противник выбора победителей. Примерно можно себе представить, в каких, скорее всего, сферах у нас будут сравнительные преимущества. Но после этого заявить данную конкретную отрасль главным приоритетом в нашем экономическом развитии – будет прямым путем к растрате денег без толку. Распад страны. Я прошел, как и многие здесь присутствующие, распад одной страны. Называлась она Советский Союз. Могу сказать, что за 6 лет до этого никто подобное и представить не мог. Но было наделано такое количество глупостей, что это развал Союза стал неизбежным. Я, честно говоря, ни на грош не верю в распад России. Но, как показывает опыт, если делать неограниченное количество глупостей, можно развалить все, что угодно.

Жданухин Д., слушатель ШПП:

– Я вот слушал выступление, ответы на вопросы и мне все более и более становилось, для меня понятно, что вот стратегия, слово идет из военной науки, обычно говорят, что есть 2 типа стратегии. Это стратегия прямого действия и стратегия непрямого действия. Причем получается, что стратегия непрямого действия в таких самых крайних абстрактных точках базируется во многом на восточной идеологии, на восточной философии. Что необходимо, прежде всего, быть адекватной к текущей реальности, гибко реагировать на вызовы времени и при этом возникает проблема достижения целей. Когда цели ставятся отдельно, где-то в будущем мир может измениться намного быстрее, чем появятся достижения целей. Вот такой своеобразный, что ли, как мне показалось, для меня это очень интересно применение стратегии непрямого действия к экономическому анализу и можно сказать, что в докладе я во многом увидел содружество идей Сунь-Цзы, как представителя

стратегии непрямого действия и того же Гегеля, о том, что все развивается диалектически, точно так же, скажем, ресурсы еще найдут, население еще найдут. Поэтому как мне кажется, действительно надо учить китайский, но как ни странно, скорее они выучат русский, говорят, что есть проблема, что Америка станет негритянской страной, но каждый афроамериканец, соблюдая политкорректность, будет считать себя американцем, а не афроамериканцем, не негром. Точно так же и китаец, как мне кажется, с такой диалектической точки зрения в России будет считать себя россиянином, не смотря на разрез глаз.

Гагарин А.С.:

– То есть Россия будет с китайским лицом.

Жданухин Д.:

– Россия будет с российским лицом, как ни странно, китайцы будут считать себя россиянами.

Гагарин А.С.:

– А, ну понятно, это будет российское лицо. Хорошо. Спасибо. Так Евгений, пожалуйста.

Сеньшин Е. слушатель ШПП:

– Мы затронули проблему, о которой я спрашивал, про вот эти настроения США, мне кажется, я не задаю вопрос Егору Тимуровичу, я просто комментирую, мне кажется, и данные подтверждают на счет, что вот Россия будет с китайским лицом. Иммиграция в большей части своей, иммигранты они не ассимилируются с европейцами, я россиян тоже отношу к европейцам, они скрыто сопротивляются принятию в европейскую культуру, демократических ценностей, либеральных ценностей. Подтверждением тому является то, что вот, например, китайцы очень чтят свою родину. Они не считают себя китайцами. Для примера я приведу. Я может, оговорился, они не считают себя там, где

они проживают, в какой то другой стране, они не считают, что они принадлежат к ней, они все-таки. И вот другим доказательством то, что иммигранты не ассимилируются, например, является то, что вот террористы, которые были в самолетах направленных на мировой торговый центр, это были, как показали исследования, это были выходцы вовсе не из ближнего востока, а те как раз люди, которые жили в европейской среде и не смогли принять ценности. Об этом и книга есть даже «Мой брат – террорист» и другие исследования по терроризму показывают. Потом это очень серьезная проблема в долгосрочной перспективе она еще даст о себе знать и вот так вот думать, что они пришли, ассимилируются. Ну, вы сами видите и во Франции там вышли исламисты с таким предложением, чтобы ввести закон, чтобы выходить в чалмах. Поэтому это больше иллюзии. К этому нужно относиться серьезнее.

Гагарин А.С.:

– Пожалуйста.

Сеньшин Е.:

– Ну, украинцы, это все-таки славяне, но есть.

Гагарин А.С.:

– Ну что же. Да, пожалуйста.

Реплика из зала. Гость не представился:

– Уважаемые коллеги, я хочу дополнить, некоторую ясность внести с цифрами. Недавно мы делали анализ 2х переписей по Свердловской области и по уральскому Каменскому району. И что получилось. Количество китайцев в нашей области увеличилось в 75 раз. Количество вьетнамцев – в 40 раз. Количество из средней Азии в 5–6 раз. Одновременно уменьшилось количество европейских народов, поляков, прибалтов, украинцев, даже украинцев уменьшилось в нашей

области в 1,5 раза. Количество евреев больше чем в 1,5 раза, немцев в 3 раза. То есть происходит активный процесс замещение европейских наций азиатскими нациями. Это между 2мя переписями. В нашей области по данным МВД, находится нелегальных эмигрантов около 50 тысяч. Это не много по сравнению с Москвой, где 500 тысяч по разным подсчетам. Правильно это идет активный процесс замещения одних народов другими народами. Он идет во всем мире, и я согласен, что сказал сейчас Егор Тимурович это проблема мировая. Надо к этому привыкнуть, быть более толерантными и готовыми к тому. Готовыми к этому надо быть. Я считаю то, что в нашей области находятся 30 обществ национальных. Именно эти общества как раз ставят своей целью толерантность и понимание культуры друг друга и умение жить друг с другом. Это самое главное, научиться жить друг с другом. Другого пути у нас нет в ближайшее время. Второе хочу сказать. Мы не затронули Россию в возможностях распада. Поэтому у нас должна быть очень четко выверенная региональная и муниципальная политика, которой у нас нет. Даже министерство региональной политики ликвидировано. У нас нет внятной политики на уровне страны, что такое регион, что такое субъект РФ, что такое автономия. Это должна быть четко выраженная функция обязанностей и вот без внятной региональной политики и муниципальной политики нам тяжело будет выжить. Поэтому я считаю, что сегодняшняя наша дискуссия очень своевременна, очень интересна, она насущная и она одна из самых больных вопросов нашей страны. Спасибо.

Гагарин А.С.:

– Спасибо вам, мы очень плавно перешли к другому жанру, к подведению итогов нашей дискуссии. Я бы хотел предоставить слово Егору Тимуровичу. Так как времени у нас уже не так много, и затем, я еще сделаю некоторые приятные объявления.

Гайдар Е.Т.:

– Уважаемые коллеги, во-первых, мне было очень приятно сегодня быть с вами и обсудить набор проблем, которые мне кажутся важными, и как мне показалось, многим из присутствующих тоже. Я не претендую на то, что знаю ответы на все вопросы. У меня есть позиция, я могу ее аргументировать, но это слишком сложная сфера, чтобы взять на себя смелость сказать – первая колонна марширует туда, вторая туда, третья туда, вперед – к Аустерлицу. Но вот что важно. Мы сейчас обсуждали вопрос трудностей интеграции иммигрантов в структуры российского общества. Да, это трудная проблема, это трудная проблема везде. Она трудная даже в странах, которые созданы иммигрантами, в США, в Канаде. Даже в тех, которые проводят наиболее эффективную иммиграционную политику. Ну и что, это значит только, что ее надо решать. От того, что мы закроем глаза, опустим руки, приговаривая, что это слишком трудная проблема, она не решится.

Уважаемые коллеги, спасибо!

Гагарин А.С.:

– Большое спасибо Егору Тимуровичу. Я хотел бы предоставить слово Владимиру Александровичу Блинову писателю, лауреату литературной премии имени Бажова, я просто два слова буквально скажу. Союз писателей это наш добрый и хороший стратегический и тактический партнер, имеется в виду Школа Публичной Политики. Мы очень сейчас плодотворно работаем сейчас с Союзом писателей. Один из проектов, который мы надеемся совместным путем каким то образом реализовать и я в это верю, это культурная энциклопедия Урала и я думаю, что Владимир Александрович сейчас расскажет и об этом тоже.

Блинов В.А., писатель:

– Уважаемый Егор Тимурович, уважаемые товарищи. Я думаю, что Ваш, Егор Тимурович, приезд на Урал, в Екатеринбург, совпадает не

только с Вашими непосредственными сегодняшними целями общественными, политическими, экономическими. Россия велика, но именно здесь Вы появились еще, я думаю, и потому что многие Ваши корни связаны с Уралом. Ваше генеалогическое дерево опирается на Павла Петровича Бажова и на Аркадия Петровича Гайдара. И поэтому кратко я так скажу. В прошлом году мы отметили 125-летие Павла Петровича Бажова. Для нас это имя значимое, это имя легендарное. Он сам творил мифологию, брал из народа и обратно народу с помощью сказов возвращал это богатство. Поэтому мы очень чтим Вашего деда. Вы, наверное, побываете в местах с ним связанным, и по детству Вам памятным. Был отремонтирован памятник, отремонтирован и расширен дом-музей Павла Петровича. У нас уже 6 лет вручается литературная премия имени Бажова. Ну, вот в прошлом году на торжественном собрании такие премии были вручены, был Ваш брат, он, наверное, Вам немножко об этом рассказывал. Так то, что касается Аркадия Петровича Гайдара, здесь давненько уже был обнаружен дом, в котором он, какое-то время, жил и работал. И сейчас этот дом переносится в комплекс литературного квартала, так что вот обогащается наш такой градостроительный литературный комплекс. Ну, это так коротко, что я хотел сказать. А по поручению нашей писательской организации я Вам вручаю юбилейное издание Малахитовой Шкатулки и некоторые книги лауреатов литературной премии имени Бажова. Павел Петрович Бажов был первым лауреатом сталинской премии, до этого лауреатов у нас не было. Но вот сейчас наш ведущий говорил, о ленинской премии, может когда-то кто-то и получит, наследуя уроки Павла Петровича. Всего Вам доброго.

Гагарин А.С.:

– Когда я вчера встречал Егора Тимуровича, мы немножко говорили о книгах, которые посвящены творчеству Павла Петровича, вот здесь как раз есть те книги, которые мы обсуждали. Ну что же я

думаю, мы сегодня провели. А да, у нас еще очень важная, я же говорил, приятная миссия, которая на меня возложена. Мы хотим принять Егора Тимуровича в почетные члены нашей Школы Публичной Политики, тем более что Егор Тимурович впервые приехал в Школу Публичной Политики и именно к нам. И хотим вручить памятный сувенир, это шарф с нашей эмблемой и значок Школы Публичной Политики.

Гайдар Е.Т.:

– Спасибо. Дорогие друзья, благодарю за честь. Должен сказать, что хотя давно не бывал в Екатеринбурге, город считаю родным, всегда помню многие и многие месяцы, проведенные здесь в детстве, я к бабушке приезжал практически каждое лето. Очень его люблю и очень благодарен за то, как здесь относятся к памяти деда.

Гагарин А.С.:

– Ну что же, спасибо всем за работу. Я думаю, что в ближайшее время мы скоро увидимся с вами. До скорой встречи. И, кстати говоря, я отправил всем по электронной почте ссылок на персональный сайт Егора Тимуровича, там есть указания на некоторые работы Егора Тимуровича, вы можете их прочитать в электронном виде или познакомиться с книгой, которая скоро выйдет. Спасибо. Для работников СМИ – пресс-конференция будет в 3 часа здесь. Так что работники СМИ могут остаться.